

84(2Рос=Рус)6

A 81 K

АРИОН

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

84/2006-044/6
А81 К

АРИОН

Литературно-художественный
студенческо-преподавательский альманах
Тюменского государственного
нефтегазового университета

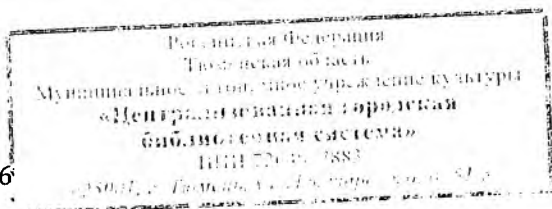
Выпуск 11

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская библиотечная система»
ИНН 7204037883
Библиотека – филиал №15
г. Тюмень, ул. Мinskая, д. 98/3

90241 / 2 7

Тюмень
Типография «Печатник»
2009

84(Рус)б
А81

АРИОН: литературно-художественный студенческо-преподавательский альманах Тюменского государственного нефтегазового университета. Вып. № 11. – Тюмень: Типография «Печатник», 2009. –105 с.

Составитель и редактор

С. К. Ломакин

Художник:

Б. И. Паромов

ISBN 978-5-903626-54-0

9 785903 626540

© Тюменский государственный
нефтегазовый университет, 2009
© Типография «Печатник», 2009

Уважаемый читатель, в предлагаемом сборнике «Арион», начатый десятилетие назад, открыты новые стихи и рассказы, новые имена, новые тематические пласты, которые могут дать некоторое представление о творчестве студентов, аспирантов, профессоров, вступивших в XXI век. Авторы сборника в глубоких раздумьях, напряженных размышлениях, стремятся отразить судьбу Отечества, заглянуть в его прошлое и связать с настоящим. В наше тревожное, непредсказуемое время слово ученого, писателя приобретает особое значение. Стало уже хорошей традицией участие в сборнике членов Союза писателей России.

Проникновенные строки о любви к Родине, ее природе, о радостях и страданиях преданного сердца к своему народу, всегда воспринимались как общественно значимые на Руси. Дух авторов «Арион-11» мечется от надежды к отчаянью, от глубокой подавленности и пессимизма к безудержному жизнелюбию, от мрачной действительности, связанной с глобальным финансово-экономическим кризисом, поразившим весь мир, к обожествлению человека – центра мироздания, венца всего сущего. В каждом стихотворении, рассказе, статье внесена глубоко личная нота. Судьба России связана с судьбой родного языка, изысканной, мелодичной речью, которая вся дышит сознанием своей значимости, а следовательно и всей духовной жизнью общества, во многом воспроизводит логику их языкового мышления. У каждого автора свой жизненный опыт, мировоззрение, привычки, свой нрав, своя биография, свое живое свечение, выраженное в слове. Включение в жанровую плоть литературы жизненных пластов, позволяют авторам расширение и углубление художественных средств лексики, приблизиться к осознанию своей эстетической платформы.

Станислав Ломакин,
член Союза писателей России.

ВЕСТНИК ОТ ДУШИ К ДУШЕ
(К 80-летию В.М. Шукшина)

Василия Макаровича Шукшина нет с нами уже 35 лет, в этом году в июле ему исполнилось бы 80 лет. Во многих своих произведениях: рассказах, повестях, романах, публицистике, кинематографических работах, он предсказывал наступление эпохи, в которой будут происходить обесценение и дискредитирование ценностей, накопленных предшествующими поколениями. Предсказывал атмосферу неуверенности и катастрофичности людей в своих морально - этических, социально - политических оценках, когда злодейство, духовное, нравственное распутство будет подаваться через средства массовой информации как норма. Душа Шукшина не бывала нечувствительной к происходящим событиям в стране, она снедаемая беспокойным талантом обращена к читателям, к тем, в ком наличествует неодолимая тяга понять душевные невзгоды людей, понять собственные ощущения мучительного существования. В своих литературных и кинематографических произведениях он не только отражал действительность, но и облегчал некоторые души, больные тем же недугом, чем страдал сам, т.к. все события в стране пропускал через свое сердце, обманутое ожиданиями счастливой жизни. В своих рассказах Шукшин обнаруживает тенденцию (во второй половине прошедшего столетия), что культурный слой съезживается, деформируется и невидимая рука возникающих утилитарных отношений между людьми, разрушает нравственные основы бытия. Становление, формирование человека Шукшин раскрывает как противоречивый нередко болезненный процесс, поражаемый несоответствием духовных величин и запрет субъективных запросов и требований. Болезненное осознание несоответствия порывами души (рассказы «Степка», «Залетный», «Алёша Бесконвойный») и

правовыми установлениями в обществе. Реальные герои писателя попадают в самые невероятные ситуации, в немыслимые положения, его комические образы – не фантазия «Чудик», «Микроскоп», «Срезал», «Хмырь», а реальность. Каждый персонаж романа, повести, рассказа несет в себе черты, характерные своему времени. Так в рассказах «Танцующий Шива», «Психопат», «Вечно недовольный Яковлев», «Петька Краснов рассказывает», Шукшин отразил самонадеянность, экзальтированность, нелепость героев в своей эмоциональной взвинченности, вызывающий смех своей неестественностью и полным несоответствием жизненной правде. И в то же время, даже в этих нелепых поступках своих героев Шукшин точен в описании их характера, трезвый взгляд на жизнь и природу человека, его противоречивость в помыслах и линии поведения, достоверность в изображении страстей и душевных движений. Режиссер, писатель, актер исследует человека с психологической, нравственной точек зрения, когда персонаж попадает в экстремальную ситуацию невозможности реализации своих потребностей, установок, ценностей. Переживания своих героев Шукшин рассматривает как отблеск созерцания действительности и, соответственно, как особую форму деятельности, направленную на восстановление душевного равновесия, утраченной осмысленности существования. В рассказе «Версия» Шукшин описал Саньку Журавлева как вруна, который по его словам, провел славно время в городе у богатой дамы – директора ресторана. Ему не поверили мужики. Вспоминается Старец Зосима из «Братьев Карамазовых» Достоевского, который на вопрос как наследовать жизнь вечную, отвечает: «Главное себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды, ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть входит в неуважение и к себе, и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви занять себя и развлечь предается страстям, грубым сладостям и доходит до скотского образа в

пороках своих, а все от непрерывной лжи и людям и себе самому».

Среди писателей и читателей В. Шукшин слыл правдолюбом, его жизнь, избранные принципы, не расходились с поступками. Поэтому так метки, а порою жестки характеристики героев его произведений. Всё лучшее в его литературных и кинематографических работах плод правдивого и критического воспроизведения жизни. Персонифицированный диалог персонажей целенаправлен и злободневен, ироничен, но не жесток. Из-под пера Шукшина вышли обаятельные, откровенные диалоги, жанровые зарисовки, полные жизненной правды, поднявшие писателя на литературный подиум, сравнивая его творчество с Н. Лесковым, М. Шолоховым, Г. Успенским. Праведничество, какое придает ему Шукшин, вместе с честностью, достоинством составляет почву, на которой поднимается идеальная личность, устремляющаяся душой к светлому земному чувству – любви. Человек исторгает любовь из себя, происходит преобразование и обожение ума и чувств. Личность Степана Разина у Шукшина апокалиптическая, она остается в памяти, душе читателей надолго. Это человек разносимый страстями, его поведение к своим сотоварищам порою не контролируется ни волей, ни сознанием, оно дезорганизовано в содержательно - смысловой связи с мотивом ситуации. Он любит своих друзей по несчастью, но и наказывает за провинность жестоко. Жизнь восставших казаков – это обнаженное бытие, которое полностью открыто в мир и в то же время, люди не представляют конечного результата своей борьбы. В самом желании жить служением бедному человеку не содержится еще ответов на вопросы, как жить, ради чего, зачем? Стихийное восстание под предводительством Степана Разина не ставит заранее содержательных решений (поэтому оно и стихийное), нет преодоления тех причин, которые подвигли бы людей к четкой, цельной осмысленности, а это делает невозможным успех восставших крестьян. Степан Разин интуитивно чувствовал, постигал крах предпринятого им выступления

против царя и мучился, страдал, переживал, сознавая бесперспективность восстания.

Хочу затронуть тему любви в творчестве В. Шукшина. Многогранностью переживаний обусловлено и разнообразие мотивов любви между мужчиной и женщиной: любовь – страдание, любовь – радость. Меняющийся лад, то минорный, то мажорный как у Стеньки Разина в романе «Я пришел дать вам волю» четко опредмечиваются эти два понятия. Эти понятия у Василия Макаровича не остаются на традиционном уровне, а расширяются и вырастают в свете других тем его прозы, выявляющих личность автора гораздо отчетливее. Так обновляется, прежде всего, любовный порыв его героев. Он перестает быть только данью традиций, установившейся схемы – именно потому, что уже само описание любовных отношений приобретает у Шукшина впечатляющую жизненность. Она достигается с одной стороны собственным опытом, а с другой умению искусно и зримо воспроизводить жизненные реалии, изображать приход любви и разочарования в ней. Возьмите рассказ «Привет Сивому». Чем живет молодая женщина, принимавшая сразу двоих любовников, каков её интеллектуальный уровень, выражающийся в очень ограниченном словарном запасе? Такие как Кэт, так звали эту героиню, постоянно стремятся к плотским удовольствиям, обрекая себя на пресыщение, духовное самоубийство и физическое саморазрушение.

Авторская экспрессия, окрашивающая тему любви, вырастает как итог переживания всей среды, в которой находится герой Шукшина, его несправедная сила подчинила себе и человеческое сердце.

Еще более рельефно индивидуально-авторское видение мира проявляется в образе «любовь – страдание». Для писателя неразборчивость женщин в рассказах «Степкина любовь», «Раскас», «Беспалый», «Привет Сивому», «Осень» является одним из символов несовершенства нравственного уклада: женщины выбирают недостойных, т.к. сами недостойны, а истинная порядочность, духовность теряет

цену в их глазах. Отсюда у Шукшина появляется интонация враждебности к молодым женщинам. В. Распутин в статье о Шукшине «Твой сын, Россия, горячий брат наш...» очень верно заметил, что у Шукшина различное отношение к жене и матери. Мать он боготворит – это любовь, доброта, умение понимать и прощать, природная мягкость и душевная стойкость. Что же касается шукшинского отношения к жене, В. Распутин выразился так: «Бывшая всегда моральной твердыней семьи, миротворящей и мирносящей женщина, оказавшись в условиях нравственной нетвердости, если и не превратилась в этих качествах в свою противоположность, но и отклонилась от них достаточно далеко». От себя добавим, что в наше время это отклонение все больше и больше. Дистанцирование от нравственных традиций прошлого настолько велико, что не замечать этого уже нельзя. Целомудрие – источник сдержанности наших чувств и мыслей. Целомудрие подобно красоте, оно дано нам всем, но не всем оно отмерено с равной щедростью и благосклонностью.

Вот как живописует В. Шукшин целомудрие, нравственную настырность Алёны – жены Степана Разина, которая хочет духовно узаконить их отношения. Она ведет его к церкви и говорит: «Побожимся. Дадим клятву нерушимую перед Божьей Матерью, что никогда не забудем друг про дружку. Вечно будем любить и помнить – ради Христа! Степа, становись на колени, Стёпушка! – громким шепотом сама не своя заговорила Алёна. Говори за мной: матушка, царица небесная!.. Степа, стань на колени ради Христа! Ради меня... Ради всех...» Степан опустился на колени изумляясь неистово святой любви Алёны к нему. Культ женщины и женственного начала у Шукшина, проявляется особенно привлекательной как основа нравственности личности её целомудренности. Обостренное чувство изменения мира особенно возникает в переломные исторические моменты. Образ прошлого получает проекцию его мечтам о лучшем завтра. Тайна жизненности любви у Шукшина не в предметной убедительности, его описание

взаимоотношений между мужем и женой, она в эмоциональной чувственной убедительности, в сопричастности автора изображаемой им сцене в церкви между Степаном и Алёной, придавая любви больше человечности, и тем самым моральной притягательности. В произведениях В. Шукшина целомудрие снабжает все наши чувства сенью приличий, призывает возвращать в нас добро, появляется целительное сочувствие и незаметно ведет нас через невинность к добродетели, а через добродетель к счастью, к красоте.

В. Шукшин в своих произведениях отражал себя как личность честную и противоречивую, постоянно дающую о себе знать в тексте. Он являл образ чуткого, честного художника слова, ироничного и свободолюбивого, имевшего свой человеческий и эстетический идеал. Писатель никогда не занимался пустопорожним зубоскальством, злопыхательством или злорадством. В его литературном и кинематографическом творчестве явственно прослеживается тоска по совершенству отношений между людьми. В одной из своих рабочих тетрадей Шукшин написал простые слова, обращенные к самому себе, но они важны и для нас, его читателей, людей XXI века: «Критическое отношение к себе, вот что делает человека по настоящему умным, настоящим человеком. Так же и в искусстве, и в литературе: сознаешь свою долю честно – будет толк». Как нам не хватает кристально честного, чистого, правдивого Василия Макаровича Шукшина, сегодня. Столько лет прошло, как нет его с нами, но как только услышишь из уст кого-либо о Шукшине, так возникает щемящая печаль, отдаленная скорбность, заставляет переноситься мыслями к героям его произведений, которые вереницей вспыхивают в прозрачном сумраке сознания. Василий Шукшин как правдолюбец все свою недолгую жизнь напряженно искавший Истины и Добра, душевную сущность человека, останется для нас одним из высших моральных авторитетов России.

ДЕНИС ЧЕРНЫШОВ

Тонкими кольцами утренних слёз
Грезят наивные дети мая;
Шум прорастает в крыльях стрекоз,
К яблочным крылышкам прилипая,
Чтобы по каплям собрать витраж
Тех, которые выше бренности,
Стать на секунду теплей и краше,
Пересчитав свои драгоценности!
Так и любовь – сильна ожиданием,
Время спит на коленях звёздных,
Нет на свете её желаннее,
Когда за неё заплатили слёзно.

Капельный след исчезающей ночи –
Лунной поверхности мёртвое море,
Звёздных посланий затейливый почерк
Тишь золотую под окнами моет!
Что принесла? Не послать ли обратно?
Не прочитаю твоих сновидений...
Раз за любовь неизбежна расплата –
В сердце моём ослепительна темень,
Я закрываю глаза от признаний...
Я улыбаюсь – твоими глазами.

Свет изумителен!
Синь высока!

Я принимаю цветные подарки,
Первоисточники пьют облака:
Всё размагнитилось в утреннем парке!
Капле за каплей кивают цветы,
Им всё равно не хватает дыхания,
Чтобы из капель этих простых
Высушить крылья для расставания!
Чтоб наподобие мотылька,
Ввысь ускользя от ливневых стрел,
Разом отправиться в облака,
Следом за теми, кто весел и смел!..
Призрачен парус... Синь – высока...
Первоисточники пьют облака...

Сняв паутинки со старой яблони,
Вспоминаю её пророчества:
Золотые на землю падали
Сны, иллюзии, одиночества,
В этой улыбке хрустально-ласковой,
Тёплом, приторном аромате –
Утро роилось всеми красками
Волшебством такой благодати!..

В час невесомого жёлтого лика,
Лунно-прозрачного всей пеленой,
Утренний свет заходилса от крика:
Гром разделялся дождливой волной.
Вскользь по окошку неведомой тканью,
Золотом ниток мечты расплескались,
Отобразая на чёрном экране
Слёз непорочных исконную зависть...

Летний дождь целовал ресницы,
Словно маленькие лучи.

Несчастливые эти принцы,
Потому что они ничьи –
Пусть весна полна благодати,
Золотится красой небес –
Никому не могу отдать их,
Потому что живут – не здесь!..

вечерней зари,
Рекламы горящей
мельканье огней,
Спит город, уставший
в поспешности дней.
Спит город спокойно,
кругом тишина,
В окошко задумчиво
смотрит Луна.
Мне тоже не спится,
смотрю сквозь стекло
И летнее с грустью
я помню тепло,
Тот пляж среди сосен,
озерный причал,
Волны набегающей
мягкий овал,
Белеющий парус
в дали голубой...
Ты помнишь?.. На пляже
мы были с тобой...

ЛЕТОМ

В центре города в комнате душной
Жарким летом сидеть не могу,
По асфальту, по улицам шумным
Я на берег песчаный приду.

В тишине, где речная прохлада,
Слышен плеск набегающих волн.
Здесь для сердца простая отрада –
Слушать только кузнечиков звон.

ОСЕНЬ

Осень золотая,
Долгие дожди,
Листья облетают,

Холод впереди.

Ожиданье снега,
Сырость и туман,
В небе тучей серость,
Солнце – как обман –

Светит, но не греет,
Лишь лучи блестят.
На деревьях реже
Листья шелестят.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Снег искрится под светом фонарей,
Под вечерним туманным небосводом.
Мы всегда ждём чуда в декабре,
Что придёт к нам счастье с новым годом.

Припев: Заматают белым серебром
 Все дороги зимние метели.
 Почему зимой мы чуда ждём?
 Почему не ждём его в апреле?

А зима, вновь снежинками кружа,
Белой сказкой зовёт всех за собою,
И уводит в зимний лес лыжня
Средь зелёных сосен нас с тобою.

Припев: Заматают белым серебром
 Все дороги зимние метели.
 Почему зимой мы чуда ждём?
 Почему не ждём его в апреле?

ПИСЬМО

*"Ты письмо моё, милый, не комкай,
До конца его, друг, прочти..."*

А. Ахматова

*"Ты письмо моё, милый, не комкай,
И случайно его не порви.
Я пишу тебе долго в потёмках*

О своей бесконечной любви.

Помнишь наши короткие встречи?
Сердце радостно пело, звеня,
Но настал этот пасмурный вечер,
И навеки забыл ты меня.

Только сердце болит и страдает
От твоих неожиданных слов,
Очень больно, когда умирает
Без надежды и веры любовь.

ТРИ СЛОВА

Три вечных, неизменных слова
Сорваться с губ моих готовы,
И, хоть давно они не новы,
Их люди повторяют снова.
Слова, не сказанные мной,
Хранят твой облик неземной,
И то, что было лишь мечтой,
Навеки связано с тобой.

ЛЮБА

Узнала я совсем недавно
В истории своей семьи
О нашей родственнице дальней.
Как жаль, что незнакомы мы...
Ты мне была бы тётёй, Люба,
Но ею ты не стала мне,
И не шептали твои губы
Слов счастья утром по весне.
Тебя не видела ни разу,
Хоть лет немало прожила...
Ты после школы своей сразу
На битву грозную ушла.
Девчонкой юною фашистов

Гнала с захваченной земли.
За Родину – свою Отчизну
Твои подруги полегли
На поле боя смертью храбрых,
Чтоб Солнце радостью цвело,
Чтобы Победа полноправно
Входила в каждое село.
Ты в девятнадцать лет погибла,
Попав в фашистское зверье...
Я о тебе читала в книге,
Где только имя лишь твоё
И запись о причине смерти –
Замучена в гестапо зверски...

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская библиотечная система»

ИНН 7204037883

Библиотека – филиал №15

г. Тюмень, ул. Митская, д. 98/3

ФЁДОР СЕЛИВАНОВ

НАПОКАЗ

Под вечер, когда начало смеркаться, ко мне пришел мой сокурсник Нил Астров.

- Здорово, Федяга! – сказал он.

Я ответил в тон ему:

- Здорово, Нил!

- Послушай, какая история вышла у меня с ректором нашего пединститута, – заговорил Нил. И рассказал, как он спорил с ректором о том, кто развязал вторую мировую войну – Гитлер или Сталин.

Надо сказать, что тогда появилась книга Виктора Суворова «Ледокол», в которой тот обвинял Сталина. Нил быстро воспринимал новые веянья, а ректор Федоров был историком догматических убеждений. Спор протекал жарко, аж искры сыпались. Мне было интересно слушать Нила. А рассказывать он умел. До перехода в университет, в нашу философскую группу, он учился в театральной студии при театре «Факел». Даже был занят в нескольких спектаклях. Но артистическая карьера закончилась быстро. Шерше ля фамм.

Нил слыл красивым парнем. Брюнет, с большими черными влажными глазами, потомственный интеллигент. А в театре числилась молодая очаровательная актриса Виолетта Гиацинтова. Она была замужем уже третий год, но не смогла устоять перед обаянием юного студийца. Муж ее, актер «Факела», старше ее на много лет, но покорила ее своим

талантами. Он пришел сразу после спектакля домой и застал парочку в том самом виде, который не оставлял сомнений. Нил и его партнерша даже не успели одеться. Разразился скандал, парня мгновенно изгнали из студии и театра. Так он стал философом.

Нил сидел, упоенно рассказывал о своей победе над ректором. Время бежало. Прошло два с половиной часа. Наконец, гость встал, протянул мне руку и сказал:

- До свиданья, Федяга! Ох, и хорошо же мы с тобой поговорили!

- «Поговорили»? Да я сказал всего два слова «Здорово, Нил!»

- Да? Ну да ладно! Переживешь!

И ушел во тьму ночную.

Нил женился, будучи студентом. Женю мы звали Евгенией Гранде по названию романа Бальзака. Они снимали частную квартиру. Я часто заходил к ним.

Однажды пришел, держа в руках только что вышедшую в свет мою книгу «Этика. Очерки». Она была в розовом переплете, выглядела солидной и красивой. Нил был дома. Поздоровавшись, я протянул ему подарок. Он увидел фамилию автора и отшвырнул книгу, как будто она обожгла ему руки. Книга ударилась о стену, раскрылась и как подстреленная куропатка, раскинувшая крылья, упала на кровать.

Нил всегда относился ко мне свысока, хотя и покровительственно. Он вырос в Новосибирске, а я в рабочем поселке. Естественно, он во многом меня превосходил. Но не в учебе. Я учился на отлично, он – нет. Когда я получал на экзамене высший балл, а он четверку или тройку, он серел лицом и не разговаривал со мной целый день, хотя мы и жили в одной комнате общежития. И вот «Федяга» приносит свою книгу, о выходе в свет которой Нил не знал. Перенести это было трудно. Нил отбросил подарок.

Я повернулся и сразу ушел.

Мы не виделись почти год. Но потом я пошел повидаться с сокурсником. Работал тогда на кафедре философии

университета, а Нил – пединститута. Пришел. Нил почему-то сразу, не поговорив со мной, начал обнимать, целовать Женю, демонстрировать любовь к ней. Продолжалось это довольно долго. Посидев, я тихонько поднялся и вышел из квартиры.

Через некоторое время мне понадобилась книга «Миросозерцание йогов», которая была у Нила. Я пришел, он дал книгу и, ни слова не говоря, стал ласкать Женю. Эта картина повторилась и в третий раз.

Наконец, когда я, однажды, пришел к Астровым, Нила не было дома. Мы с Женей, которая была филологом и училась с нами в параллельной группе, имела длинные две русые косы, попили чай и разговорились. Женя вдруг и говорит:

- Федя, ты приходи к нам почаще. Когда ты приходишь, Нил так меня любит!

Говорю ей:

- Дело не во мне. Он демонстративная личность и нуждается в зрителях. Все, что он делает, делает для других, напоказ.

- Все равно приходи!

АКТРИСА ТАНЯ

Таня Судина пришла ко мне на день рождения с подругой, тоже Таней. Она мне была знакома не только по спектаклям в театре. Театралы любовно называли ее «наша Фиалка» (фамилия ее был Фиалковская).

С приходом молодых красивых женщин вечер оживился. Они сразу оказались в центре внимания. Я взял слово и рассказал о подругах. Таня Судина – бывшая моя студентка по академии культуры и искусств, имеет прекрасный голос, была отличницей. Прошло много лет, но мы продолжаем общаться. Таня приходит всегда ко мне на день рождения. Таня Фиалковская играет в нашем театре уже пять лет. Она – заслуженная артистка Российской Федерации. У нее очаровательная улыбка, на щечках ямочки, крутые бедра

четко обозначены. Но все это вы наверняка заметили. Так выпьем за счастье двух Тань!

- За таких дам пьют стоя, - сказал Константин Петров.

Все поднялись. Я добавил:

- И на цыпочках!

Стали произносить тосты, один остроумнее другого. Особенно отличился Костя. Он рассказал услышанный от кого-то анекдот. На экзамене по философии преподаватель спрашивает студента:

- Кто такой Гегель?

- Не знаю, - отвечает парень.

- А кто такой Фейербах?

- Не знаю. А вы знаете, кто такой Эдик?

- Что еще за Эдик? - недоумевает профессор.

- Да Эдик. Рыжий Эдик.

- Не знаю, - говорит экзаменатор.

- Вот видите - у каждого своя компания, - подвел итог беседе студент.

Очередь произносить тосты дошла до Тань. Судина спела песню:

Не могу я тебе в день рождения

Дорогие подарки дарить.

Но зато в эти ночи весенние

Я могу о любви говорить.

А Таня Фиалковская сказала:

- Речи произносить я не умею. Лучше прочитаю стихотворение Степана Щипачева:

Русый ветер, какой ты счастливый!

Эх, ты, ветрена голова!

У тебя для березки, для ивы

Одинаково нежны слова.

Русый ветер, какой ты счастливый!

А вот я, словно кто приковал,

Об одной, о далекой, красивой,

Столько лет тосковал!

Читала Фиалка великолепно. Все замерли, погрузнели. Потом начался оживленный разговор. Фиалка оказалась в центре внимания.

- Как Вы стали актрисой? – спросил ее Вася Турбин.

- Я росла в семье актеров. Мой отец и моя мать всю жизнь проработали в театре «Факел». Меня некуда было девать, и они брали меня в театр. Я шлялась за кулисами или тихо сидела в зрительном зале. Запоминала монологи героинь пьес, примеряла их роли на себя. Дома с воодушевлением декламировала письмо Татьяны Лариной Онегину, монологи из пьес А.Н.Островского.

Словом, я заинтересовался в тот вечер Таней - актрисой. Не пропускал ни одного спектакля с ее участием, звонил, приглашал в гости. Мы гуляли с ней в роще, по набережной. Конечно, много говорили о литературе. Не о болезнях и здоровье же говорить с красивой женщиной. Если упоминался какой-нибудь из известных авторов, Таня тут же произносила монолог героини.

Мы с ней не играли в гольф, не катались на яхтах, не посещали дорогие рестораны. У нас были проще развлечения. У Тани было мало свободного времени. Репетиции части затягивались далеко за полночь. А спектакли в субботу и воскресенье исключали общение в выходные.. Когда выпадал счастливый день, мы выезжали на озеро за городом. И целовались не у памятника Пушкину – его в нашем городе нет – а на берегу озера у заснувшей воды на фоне вечерней зари.

Однажды Таня начала декламировать стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье»...

Остановил ее:

- Я сто раз читал и слышал это... Послушай лучше стихи Николая Зензина. Они тебе неизвестны:

Я помню чудное мгновенье,
Наверно, Вас послал мне Бог.
Я замер вдруг от восхищенья
И слова вымолвить не смог.
Ваш завиток над нежным ушком,

Улыбка – просто чистый перл.
И пусть я двести раз не Пушкин,
Но Вы, ей богу, Анна Керн.

Таня помнила всю роль Джульетты из пьесы Шекспира.
Однажды спросил ее:

- Чем это ты огорчена?

Она тут же выдала обращение к няне Джульетты:

Ну, няня... Чем ты так огорчена?

Дурных вестей не множь угрюмым видом,

Но если сообщенья хороши,

Их портит кислая твоя улыбка.

Рассказал Тане, что одна ученица в сочинении написала:
«Отелло расสวิрепело и задушило Дездемону», так Таня тут же проговорила слова несчастной:

- Единственный мой грех – любовь к тебе.

И так всегда: какой бы случай не произошел, у Тани находились фразы из пьес, стихов. Увидит собаку и тут же процитирует С.Есенина:

- И братьев наших меньших никогда не бил по голове...

Без конца повторяла слова А.Блока:

- И вечный бой! Покой нам только снится...

Произнес как-то слово «наверх», Таня сразу запела
«Варяга»:

Наверх вы, товарищи, все по местам.

Последний парад наступает...

Цитатничество стало надоедать. Каждый день она была какой-нибудь героиней пьесы. Позавчера она была Сольверг из «Пер-Гюнта» Г.Ибсена, вчера изображала героиню «Бесприданницы» А.Н.Островского Алису, сегодня она – Нина Заречная из «Чайки» А.П.Чехова. Завтра она станет Барабанщицей из пьесы А.Салынского.

Она всегда была кем-то, но никогда не была сама собой. Она изображала, а не жила, вернее, жила чужими жизнями, а не своей. Говорила чужими словами, совершала чужие поступки. Жила одна, семьи не было.

Пришел однажды к ней под вечер. Таня сидела на диване и горько плакала.

- Что случилось?

Протянула мне газету «Труд» с интервью знаменитого актера Михаила Боярского «Я все чаще думаю, что жизнь прошла зря». Читаю: «Мне не хватает определенной цели в жизни. Я не очень понимаю, зачем эти концерты, съемки. Вот, например, врач – настоящая гуманная профессия. А что актерство?.. И все чаще задумываюсь – не потрачена ли жизнь зря?»

- Ты-то при чем? Почему ревешь?

- Это моя жизнь пустая, никчемная, зряшная, - ответила Таня в первый раз своими словами.

ДЕДУШКА-ТРУБКА

Моей младшей внучке Вале доходит третий год. Когда она начала говорить, мы стали общаться с ней по телефону. Мы живем не только в разных городах, но и в разных странах. Она – на Украине, в Киеве, а я – в России, в Тюмени.

Когда я в первый раз сказал ей: «Здравствуй, Валя!», она ответила: «Здастуй, деда!»

Перед этим я позвонил в Киев и поговорил с дочерью Наташей. Вот та и объяснила, что у ней есть дедушка и сказала:

- Поздоровайся с дедой.

Поздние общения с внучкой стали более продолжительными. Она уже могла рассказать, где ее папа, чем занята мама, какая красивая у них елка.

Мне очень хотелось повидать внучку. И случай представился. Меня пригласил по старой памяти на научную конференцию Институт философии Украины. Приехав в Киев, я сразу же отправился к родным: дочери Наташе, зятю Андрею, внукам Асе и Вале. Поздоровавшись, обнявшись и поцеловавшись со старшими, я ринулся к младшей внучке – беленькой, маленькой девочке, которая сидела за столом и завтракала.

И представьте: вместо того, чтобы кинуться на шею дедушке, обрадовавшись, Валя рванула к матери со слезами и воплем «А!»

Наташа принялась ее успокаивать:

- Ты чего? Это же твой родной дедушка!

- Неправда, - заявила внучка. - Мой дедушка вот! - И показала на телефонную трубку. - Я же с ним часто разговариваю.

Все были ошарашены таким сообщением. Но чему удивляться? Мать ей говорила, когда я звонил:

- Валя! Поговори с дедушкой! - и протягивала ей трубку стационарного телефона. Образовалась устойчивая связь трубки и дедушки.

На одном уроке в начальной школе учительница читала детям статью, в которой была фраза: «Охотники применили новый маневр». Учительница сказала:

- Маневр - это прием.

И попросила Игоря объяснить смысл фразы. Тот заявил:

- Охотники приняли лекарство и поскакали.

Выяснилось, что Игорь слышал слово «прием» только в сочетании «Игорь, прими лекарство». Поскольку маневр - это прием, то получилось, что охотники приняли лекарство.

Кончилось дело тем, что мы подружились - дед-трубка и маленькая девочка. Я потом написал о ней сказку «Как Валя была елочкой».

СЕРГЕЙ ЛОМАКИН

ЛИСТОЧЕК

Рано утром, когда еще дворники не взялись за орудия труда, чувствуя значимость и красоту одиночества, с пятого этажа старой хрущёвки вылетел листок бумаги. Покружив секунды в свободном полете, он коснулся края тротуара и сложился как лебедь на озерной глади. Это было послание миру мальчика Жени. Он проснулся рано. Снились облака, с одного на другое с легкостью и детским гиканьем перелетал он как бывалый супер-герой. Проснувшись, Женя подошел к папиному столу, взял ручку, которая показалась ему чрезвычайно тяжелой и нацарапал, тщательно выводя каждую букву «пусть всем будет хорошо, счастья всем. Так здорово». После сложил листок вдвое и запустил в форточку. Улыбнувшись, он продолжил сонное путешествие по облакам.

А потом началось обычное городское утро с молчаливой спешкой и поднятыми воротниками. Среди утренних людей выделялся средних лет мужчина, по внешнему виду которого было ясно, - спешить ему некуда. В это утро на работе его сократили. Объяснили это оптимизацией производства, хотя всем было ясно, - в стране кризис. Он и поднял с обочины одинокий листок. Прочитав, бережно сложил его во внутренний карман пиджака. Улыбнувшись чему-то

своему, он продолжил неуверенной походкой бесцельный путь, только теперь что-то изменилось и в походке, и в выражении лица.

Через неделю у него была отличная работа, приходя на которую каждое утро он первым делом смотрел на листок с детскими каракулями, лежащий под стеклом рабочего стола и думал: «Здорово как, для счастья нужно немного, а для удачи и того меньше...»

СИНИЧКА

-Что ж он так звенит, - проснувшись от будильника, произнесла Лена.

«Что сегодня, пятница?», - уже про себя подумала она. «Практика, надо вставать».

Лена заканчивала медицинский институт. Когда-то в детстве прочитала книгу об известных хирургах. Не о каком другом будущем думать больше не могла. К привычным, для молодых людей ее возраста, развлечениям была равнодушна. От музыки в ночных клубах болела голова, разговоры о чем-то постороннем, кроме медицины, были ей не интересны. Иногда, ей самой казалось, что так жить нельзя, должно же быть что-то еще, помимо. Природа дала ей все, - и ум и красоту. Она притягивала чем-то очень настоящим, правильным. Вокруг Лены всегда были люди, давалось ей все легко, от нее всегда что-то ожидали. Со временем, эти постоянные ожидания развили в ней гиперответственность. Этим стали пользоваться. На курсе она была старостой, преподаватели при появлении в аудитории глазами первым делом всегда искали ее, как символ стабильности и покоя.

Больница, где проходила практика, была недалеко. Лена всегда доходила пешком, было время подумать, да и пройтись лишней раз считала полезным. Проходя мимо старой стройки, она заметила синичку, пытающуюся удержаться на одной лапке. Вторая, перебитая, как нечто инородное болталась на ниточке. От слабости, или от доверия к Лене, синичка позволила себя взять. Через десять минут, в больнице, Лена аккуратно и бережно притянула

лапку, сделав все необходимое. В одной из палат оказалась клетка. Вечером она отнесла клетку с синичкой в общежитие. В течение двух недель ухаживала за больной, до тех пор, пока лапка не прижилась. Утром, в день окончания практики, Лена выпустила синичку на волю, оставив лишь на лапке тоненькую желтую полоску лейкопластыря.

А через месяц, после двухдневного катания на лыжах, Лену отвезли на скорой с пневмонией в ту самую больницу где она проходила практику. Начались обострения, грозившие серьезным лечением. Поначалу, посетителей было много, приходили друзья-студенты шумно, и так же шумно уходили. Потом посещения стали все реже, а вскоре и вовсе прекратились. Начиналась весна. Однажды, Лена проснулась рано от частых капель бьющих о подоконник. Подойдя к окну, чтобы закрыть форточку, она вдруг увидела синичку с пластырем на лапке.

«Господи, как же ты меня нашла, милая ты моя», - вырвалось у Лены. Синичка словно заглядывала в палату, радостно отлетая на несколько метров и подлетая вновь. Так продолжалось несколько минут. Затем, посидев еще несколько мгновений, она улетела. «Теперь все будет хорошо, теперь не страшно», - как-то легко и уверенно выдохнула Лена. Вскоре ее выписали. После получения аттестата она устроилась в хирургическое отделение той самой больницы, где и работает по сей день.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Олигарх Зверев потерял покой и сон в связи с потерей пяти направлений в бизнесе. Раздражало всё: утренний свет, надоевший за три месяца новый «Бэнтли», даже любимая лошадь Глория в личной конюшне и та вызывала отторжение. Понимая неизбежность происходящего, Зверев недельку ещё заглушал потерю миллиардного состояния коньяком и псевдоцыганами. Затем вдруг вспомнил про малую Родину и тропинку в лесу, по которой в детстве с мамой и братом ходили по грибы и ягоды. Потянуло с

невероятной силой. Забыв про традиционный бизнес-класс в самолете и СВ в поезде, взял билет в плацкартный вагон до родимой станции, где до сих пор поезд стоит три минуты, и полтора суток трясся на верхней полке, слушая странные истории пассажиров про неведомую ему жизнь.

Пройдя по знакомой с детства единственной улице деревушки Звереве, он ясно понял, что никуда больше отсюда не уедет.

Через месяц, остаток, немалый остаток средств, недавний олигарх вложил в родимый кусок земли, закупив трактора, построив свиноферму, новую школу, садик, школу искусств, жилье для односельчан, построил и дороги. Из города потянулись люди, деревня ожила. На въезде в Звереве отныне красовалась надпись: «Не страшен кризис, когда есть земля и люди!» А у Зверева вместо пяти направлений в бизнесе появилось семь важных дел. Вот сейчас думает еще санаторий выстроить, грязи то под Звереве целебные оказались...

ЗАМПОЛИТ

Кириллу тяжело было влиться в воинский коллектив. Закончив училище, молодой лейтенант прибыл в новый формирующийся полк в должности замполита дивизиона. Самый молодой офицер и сразу такая ответственность. Солдаты по возрасту мало от него отличались, однако, это смущение Кирилл быстро преодолел. Времени на работу у него было более чем достаточно. Девушка, с которой он собирался прожить долго, не пожелала отправиться с ним в далекие дали, уговаривала, хоть и не сильно, остаться в военкомате родного столичного города. Кирилл мечтал о настоящих армейских буднях. Разрыв переживал тяжело, но виду не подавал.

Через месяц пребывания в части понял, - дедовщина как компьютерный вирус поражает все подразделения. Долго думал, как преодолеть этот недуг, советовался со старшими офицерами и командиром полка. Наконец, энтузиазм

молодого лейтенанта был поддержан отцами-командирами. Впервые, ввели неделю самоуправления. Молодые солдаты выполняли обязанности старослужащих и наоборот. Замполит лично выбирал ребят потолковее из молодых на роль сержантов. Поначалу, воспринимали со смехом новшество. Когда Кирилл ввел таблицу основных показателей и организовал совет, в который вошли как офицеры, так и солдаты, стало не до смеха. Выяснилось, что показатели службы молодых во время подобных недель превышают показатели старослужащих.

Реформа приняла серьезный оборот. По итогам самоуправления стали награждать увольнительными и отпусками. В общем, меры привели к тому, что дедовщины в полку не стало. Опыт стали перенимать соседние части, Кирилл довольно быстро продвинулся по служебной лестнице. Позже, в звании капитана он стал замполитом полка. Через десять лет его перевели в родной город на должность замполита военного округа. Вернулся он победителем.

Однажды, на прием по личным вопросам пришла к нему когда-то несостоявшаяся невеста. Говорила что-то про ошибки молодости. Глядела на него с надеждой, плакала, жизнь не складывалась. Кириллу было ее жалко, но в тот момент он думал о том, как там, в роддоме, жена и дочка Анечка, которой было два дня отроду. «Третий ребенок, дом надо строить», - думал Кирилл, провожая до выхода подружку юности, все еще жалея ее, но думая о своем, дорогом и надежном...

ОЛЬГА ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ

БЕЛАЯ НОЧЬ

Из Петербургского цикла

Ах, эта ночь, как молоко,
Зовётся всеми белою...
Я здесь и всё же далеко –
В стихах Андрея Белого,
В поэзии Есенина,
В романах Достоевского.
О, Петербург, весенний мой,
Гуляю я по Невскому...

Душа полна Ахматовой...
Её музей – Фонтанный Дом.
Какая я богатая!
Всё говорит мне о былом.
Душа полна Ахматовой...
Воспетый ею Летний сад,
Какая я богатая –
Иду я встречаю – наугад.
Ольга Данилова-Пушкарь

В ПОЕЗДЕ

А поезд по стране идёт,
А поезд катит по Сибири,
То наберёт, то сбросит ход...
Полей роднее нету в мире.

А поезд по стране летит,
Стук сердца - в ритм колёсным стукам...
Святой Никола нас хранит.
Дорожный друг, подай мне руку!

С тобою беды и года,
С тобою вместе голосили...
Деревни мимо, города...
В сердцах у нас - одна Россия.

ВЕСЕННЕЕ ОКНО

Вышьет солнце золотисто
Бела снега полотно,
Бросит на него монисто,
Распахнет весны окно.

Воздух – свежестью арбуза
Подрядится угощать.
Вдохновенье – нежной музой
Станет душу посещать.

Незабудок в небе – поле,
В поле – облако-шатёр.
И такая сердцу воля!
Ангел крылья распростёр.

ВЕЧЕР

Меня опять выпрашивает совесть,
Она сурова, словно страшный суд...
Пишу я жизни и роман, и повесть,
Быть может, их когда-то издадут...

На небесах горит рубином алость...
Я не копила злата-серебра...
Быть может, я порою, заблуждалась,
Но всем, всегда желала я добра.

ВРЕМЯ

Я целую твой висок,
Эти руки, эти губы...
Время сыплется – песок,
Как условие разлуки...

Время мчится в пустоту,
Где пока ещё нас нету...
Запредельности мечту
Мы возьмём с собою в Лету.

Тщетность - жизнь познать - ясна,
И понятна краткость мига.
Но на улице весна!
А любовь – живая книга!

Круты Времени дела,
Но не бойся поединка...
Вот морщинка пролегла,
Как в бессмертие тропинка...

«ВЧЕРА»

Зашло ко мне в гости «вчера»,
Присело на краешек стула...
Настала раздумий пора,
Читаю Сократа, Кутула...

Зыбучие вижу пески
Событий, секунд и столетий...
Разрушить бы смерти тиски
И страха бы выбросить плети...
Я рада той жизни, что есть,
Однако «вчера» у порога...
О прошлом раздумий не счесть...
Но верю я в «завтра»...И в Бога.

* * *

Горят, мерцая свечи вполнакала

И вечер тёмным облаком плывет...
И накрывает всё, как покрывалом
И за собой куда-то вдаль зовёт...

А в тайниках горячего сознания
Рождаются то грешные мечты,
То сумасшедше-дерзкие желанья,
То образ чей-то...Ты или не ты?..

Пора забыть, но прошлое упрямо
Я ворошу, не думая – зачем?
Пытаюсь вспомнить стих Омар Хайяма
О колдовском мерцании свечей...

И не могу, то ль память отказала,
То ли поэт не написал его?..
И, как могла, сама я написала
Туманный образ лета моего.

ГРАФИКА ЭТА...

«Господи, всё же прости мне, прости

Чёрные буквы на белом ...»

Ирэна Сергеева

Графика эта проста –
Чёрные буквы на белом?..
Как аскетичность поста –
Труд наш пожизненным сделан.

Но не стоять, а идти...
И не дано нам иного.
А для людей из груди
Вынуть горящее слово.

* * *

Месяц тонкою подковой
Над окном моим повис.

Я ищу значенье слова,
Объясняющее жизнь.

Мысли вспыхнули зарницей,
Разбежались по строкам,
Память высветлила лица,
Неподвластные векам.

Разбежались и вернулись
Без ответа на вопрос,
Листья в трубочки свернулись,
Георгин в саду подрос.

Снова в небо месяц вышел,
Влезть в окошко норовит
С тихим шепотом, чуть слышным:
«Ты не думай, ты живи...».

НАСТРОЕНИЕ

Небо синим глазом
Смотрит на меня...
Я поставлю в вазу
Настроенье дня...

* * *

Пусть хотя бы одно одиночество
Отогреется строчкой моей
И поэзия – света высочество,
Путь укажет из серости дней.
Пусть хоть кто-то да станет добрей,
Пусть хоть кто-то да станет мудрей...

* * *

Сиреневый лес над рекой за туманом,
Он словно пейзаж миража...
Не знаю, что делать мне с этим романом -
Уже утомилась душа.

Быть может, всё это мне тоже приснилось,
О, это же - Бунин Иван!
И сердце с мечтою возможно простилось,
Но снова подарен роман...

Поэт и романтик и мастер полотен,
По тёмным аллеям ведёт,
Мир чувства насыщен и ярок и плотен –
Огонь, растопляющий лёд.
Всё это придумал, конечно, писатель,
Смешались реальность и сон,
Я жизни своей и поэт и читатель...
Зачем ОН в меня так влюблён?

Сиреневый лес над рекой за туманом...
Как будто пейзаж миража...
Не знаю, что делать мне с этим романом –
Пускай разберётся душа...

* * *

Солнце село в тёмный морок
И мои остыли плечи...
Взгляд, что был ни слеп, ни зорок,
Прочертил меня картечью...

Ты не знал, что жизни ветер
Пробивает в сердце бреши...
Ты страдал, не юн, не Вертер,
Утешался, безутешен...
Я хочу иносказаний,
Где туманно всё и зыбко...
В край нетронутых лобзаний
Увлекает душу скрипка...

На контрастах жизнь горела,
Заводил мечту, шарманщик,
И по кругу звонко пела
Твоя песенка, обманщик...

ЦВЕТЁТ МАЛИНОВЫЙ КИПРЕЙ

Цветёт малиновый кипрей
И птицы по лугам ликуют...
Не поминаю Бога всеу...
Но, Боже всё в руке Твоей!

Я эту божью благодать
На границу не сменяю
И я готова жизнь отдать
За всё, что назвала бы раем.
Просторы русские полей...
Тайга Сибири вековая...
И в зимы душу согревает
Мне образ Родины моей.

Цветёт малиновый кипрей...

* * *

Я крахмальные эти снега
Проутюжу, как белую скатерть...
Опровергну наветы врага.
Нищ народ, но Россия - не паперть!

Заалела кроваво заря –
Нам знаменье дано небесами.
Мы остались одни, без царя,
На народных костях поплясали...
Русь! Терпенье твоё велико,
Ты и грешная, ты и святая.
На кровавых скрижалях веков
Память всё же хранится, не тая.

СТАНИСЛАВ ЛОМАКИН

ЧЕТЫРЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ

Сыновьям Игорю и Сергею посвящаю рассказ

Мощного, кряжистого Игоря Михайловича Бугушева болезнь свалила внезапно. За бо лет он не болел ни разу. Никакие болезни не приставали к нему. Трудно поверить, но это так. Когда заболели сотрудники отдела гуманитарных исследований, он удивлялся и сомневался в их достоверности. И если человек попадал в больницу, Игорь Михайлович мысленно оправдывал себя: мера человеческого ума в его умении сомневаться. И вот до Михалыча, как называли его подопечные, дошла очередь. Вечером после работы, он почувствовал себя вялым, как он выразился, предупредив на следующий день по телефону директора института, релаксированным. Дома пожаловался жене на небольшую боль в правом боку.

Смерили температуру: 37,4. Жена, врач, стала настаивать, чтобы сходил в поликлинику и сдал анализы, возможно, аппендицит. Михалыч отмахнулся, мол «все пройдет как с белых яблонь дым». Не прошло. Не спал всю ночь.

Утром у него была лекция (на полставки подрабатывал в институте), но жена настояла, чтобы до лекции сдал анализы. Игорь Михайлович сделал так, как советовала жена, сдал. Прочитал лекцию студентам и сразу направился узнать результаты в поликлинику. В регистратуре ему сказали: анализы показывают, у Вас аппендицит и есть возможность проехать во вторую больницу, скорая стоит у входа. Поезжайте! Игорь Михайлович через двадцать минут

был уже в больнице. Дежурный врач его сразу направила к медсестре, которая обработала, точнее, побрила, нужные места тела и сделала укол, а затем сопроводила на лифте в операционную на четвертый этаж.

В операционной было два стола, на одном лежала женщина, которую приводили в чувство, другой был свободен и хирург показал рукой, чтобы он укладывался и морально готовился к операции. Вокруг лежащего на столе Игоря Михайловича сгрудились студенты-практиканты медакадемии. Хирург, мужчина средних лет еще сделал два укола, они не очень были болезненны, и стал резать. Михалыч особой боли не чувствовал, был в сознании и слышал, как врач объяснял студентам: смотрите аппендикс воспалился и оплавился, еще немного времени произошло бы прободение стенки отростка и возник перитонит. Вырезанный оплавившийся отросток был показан студентам и его бывшему обладателю, хирург при этом сделал заявление студентам или больному: будет жить 82 года.

Игоря Михайловича, после операции, перевернули на каталку, спустили на лифте на второй этаж, закатили в палату, где было четверо мужчин, и сказали: вставайте осторожно с каталки, придерживайте руками правый бок, чтобы не разошелся шов, и потихоньку ложитесь на кровать. Через сутки Михалыч уже прогуливался по коридору с коллегами, посетившими его, прижимая руками правый бок, беседуя на философские темы. А еще через двое суток, главный врач больницы попросила Михалыча прочитать лекцию для врачей и медперсонала среднего звена, на тему: «Психология межличностного общения». После лекции и ответов на вопросы главврач предложила перейти Игорю Михайловичу в одноместную или двухместную палату, но он отказался, сказав: «Я привык к друзьям по несчастью, да и осталось мне до выписки несколько дней».

За несколько дней пребывания в больнице, Михалыч насмотрелся на больных и родственников их посещающих, и пришел к пониманию, что сочувствие больному простирается в большей мере при непосредственном

участии других людей, окружающих больного. У больных слабая энергетика, и родственники стараются быстрее покинуть их, находя объективную причину. Степень горя больного выходит за предел способности чувствовать не только врачей, привыкших к повседневному общению с больными, но и близких людей. Иногда человек проявляет чувствительность к пустякам и бесчувствие к самым близким тяжелобольным. Их нравственное бесчувствие, - думал Михалыч, - связана с тем, что они еще не побывали в шкуре больного. К этим людям Михалыч относил и себя до больницы. Мы всегда абстрагируемся до тех пор, пока нас лично не касается. Духовное здоровье влияет на все стороны жизни человека, духовное обескровливание ведет к потере телесного здоровья. Все нужно познать в процессе жизнедеятельности. Михалыч, находясь среди больных, часто вспоминал китайского мудреца-философа Конфуция. Он был не уверен за точность цитаты, но за смысл ручался. В 30 лет человек здоровый, он становится самостоятельным, в 40 познает все тайны бытия, в 50 лет осознает свое предназначение и понимание того, что он, как и все люди, смертен, осознает неотвратимость болезней. В 60 лет приобретает благополучия, а в 70 добивается полной свободы и гармонии во всем, не преступая должной меры. Ночью Михалыч спал плохо, его постоянно тревожила неясная, невнятная мысль, на какое-то время она исчезала, а затем вновь возникала, но не набирала силу. И наконец как-то под утро он поймал её. Ему вспомнились слова хирурга после операции, его предсказание, что он будет жить 82 года. Да ведь это уже четвертое предсказание в его жизни, о них он никогда не вспоминал. Возникающие проблемы Михалыч решал как уверенный штангист, который выходил на помост заранее зная, что вес штанги не предел его физическим возможностям, он одолеет, возьмет и брал вес.

Игорь Михайлович пытался восстановить в памяти оставшиеся три предсказания.

Итак, первое, Игорю восемь лет, он перешел во второй класс. На радостях с другом Генкой нарвали в огороде

конопли, нашелушили зерен, поджарили их на сковородке, сложили в кринку и пошли к друзьям. Подростки послевоенного времени ели, кажется, все что росло. По пути им встретилась цыганка, она уловила запах жареной конопли и попросила отведать. Ребята отсыпали небольшую часть ей в платок, и она сама предложила им погадать. Цыганка, её звали Рада, взяла Генкину левую руку, долго всматривалась в ладонь и произнесла: «Мальчик, бойся воды, я тебя серьезно предупреждаю». Игорева ладонь по времени изучалась недолго, она положила свою руку ему на голову и спросила, как его зовут, а затем сказала: «У тебя, Игорь, будет трудная, интересная жизнь, ты проживешь 82 года». Ребятишки не предали предсказанию цыганки никакого значения. Через два дня Генка утонул. Накануне он ночевал у Игоря, мать постелила им в сенях, т.к. в доме было жарко, Генкина собака Пальма несколько раз порывалась проникнуть к ним, но её не пустили. Пальма выла всю ночь. Утром они пошли на речку Тару. На берегу, уже искупавшись, стояли взрослые парни. Генка, быстро раздевшись, вошел в воду, последнее, что он сказал: «Игорь, смотри, я поплыву столбиком», головенка его скрылась под воду, его, видимо, закрутило подводное течение. Взрослые парни не полезли в омут. Безутешная мать Генки и родственники три дня просидели на берегу, пока не всплыло тело сына. На предполагаемом месте, где утонул Генка, опускали блюдце, которое крутилось; над водной гладью летали ласточки, каждый раз едва не коснувшись поверхности воды крылом, они взмывали вверх и вновь возвращались к одному месту, словно указывая место нахождения утонувшего подростка.

Случай второй – Игорь с друзьями пошли по ягоды, в тот год её уродилось много, особенно черемухи и смородины, кусты их тянулись вдоль реки Тары. Идти пришлось около шести километров, минуя деревню Вятку. Раннее утро. Лето раскинуло прелестный, пропитанный влагой ландшафт: внизу река, половодьем заплеснувшая луга и еще не отступившая в свои берега. Ключья тумана, застрявшие в

кустах, словно вата, намокшие кусты вчерашнего дождя, падающие дождевые капли с листка на листок. Вчера прогремела гроза, пролил дождь, он сплошной стеной на десятки километров охватил весь район. Небо почти очистилось от грозных облаков, и лишь сиротливое пурпурное облачко, застрявшее на чистом небе, напоминало о вчерашней грозе. Повсюду уже чувствуется торжество солнца, оно начинает свой триумфальный путь над землей и превратит утекающую утреннюю влажную жизнь в умиротворение и покой. Кусты черемухи и смородины спускались прямо к воде, обилие зарослей, сквозь которые приходилось пробираться, были влажными, но наградой ребят было обилие ягод. Разные цветы оттеняли ослепительными желтыми, синими, красными красками берег реки. Бабочки, шмели, пчелы дополняли всеобщее благолепие.. Подростки быстро наполняли свои небольшие ведерки черемухой и смородиной, разделив их листьями папоротника. На обратном пути им вновь пришлось переходить небольшой овраг, на дне которого бурлила и искрилась чистая, как слеза вода.

Детство – особый период в жизни человека, оно окрашено удивительным разнообразием жизни, а когда кругом все удивительно, то ничто не вызывает удивления. Это и есть детство.

Через ручей нужно было пройти по двум жердочкам. На берегу стояли слепые Пахом и Люба, им было на двоих 204 года. Они жили подаяниями. Ребята провели 104-летнего Пахома, а Игорь взял на руки почти бестелесную, седенькую, сухонькую столетнюю Любу. В чем только душа её теплилась. Она обняла сухой, как кость рукой шею Игоря и, наклонившись к уху, сказала: «Славный мальчик, ты будешь жить 91 год, судьба к тебе будет благоволить и Бог будет тебя хранить». Ребята угостили Пахома и Любу ягодами.

Семь раз Игорь Михайлович был между жизнью и смертью. Во время ледохода, когда река Тара приходила в движение, ребяташки катались на льдинах и палками доставали урманские бобы, происхождение их было

неизвестно. Они были сладкие и питательные. Возможно, они плыли с васюганских болот, где начинала свое рождение река. Игорь ступил на иссеченную, пористую льдину, на середине которой виднелась связка урманских бобов, он не дошел до них несколько метров, как лед под ним провалился. Он взбирался на льдину, но она раскалывалась, и он вновь и вновь погружался в воду. В каком-то отчаянии Игорь руками дробил, крушил перед собой лед, двигаясь к берегу. Когда он вылез на берег, силы на какое-то время покинули его. Ребятишки разожгли костер, чтобы высушить одежду. Дома ему не удалось скрыть от матери мокрую одежду, она уже знала о случившемся. Мать впервые и единственный раз ударила Игоря и расплакалась. Она заставила присесть Игоря 77 раз и отжаться от пола 52 раза (мистика какая-то), чтобы не заболел, а затем, напоив чаем с малиной, уложила на печь. Пронесло! Мать – сыра земля после удара Игоря током на целине, взяла его в свои объятия. Отлежался. Тонул в засосавшем почти по плечи болоте. Многие опытные таежники считают, что если человек попал в подобную ситуацию, то спастись невозможно. Но когда уже показалось: все, конец! — какая-то неведомая сила со дна болота вытолкнула Игоря, и он смог дотянуться до кустов, а затем и дойти до твердой почвы. На стройке в Казахстане, работая плотником и каменщиком, однажды, с незакрепленных как следует лесах, летел с ними с 8 этажа, до третьего. Чудом остался жив. Рабочие с других участков, приходили смотреть, как на диво, говоря на прощание: «Ты парень родился в рубашке». Обучаясь в высшем летном во время прыжков, однажды, с парашютом не раскрылся основной и, когда до земли оставалось всего-ничего, сработал дополнительный. Подвернул ногу. Почти неделю без пищи плутал в тайге и горел в самолете. Последний по времени случай был в Афгане. Душманы, после бомбардировки, ворвались в укрепление, где дислоцировался небольшой отряд, они расстреляли оставшихся в живых, на Игоря словно не хватило патрона для контрольного выстрела. Правда, он был

без сознания, его оглушило взрывом снаряда и, наверное, душманы посчитали его убитым.

Третье предсказание было сделано девушкой Надей, которую Игорь очень любил, когда учился в военном летном училище. Красавица и умница, Надя серьезно увлекалась астрологией, она посредством каких-то расчетов, с точки зрения движения небесных сфер, астрономических координат, планет в знаках Зодиака предсказала своему возлюбленному, что ему отмерено жить 91 год.

Восстановив все события, связанные с четырьмя предсказаниями, Игорь Михайлович задумался, сопоставив их с высказываниями цыганки, слепой Любы, Нади и хирурга. Получается двое надвое, либо 82 или 91.

Да, что тут думать, человеку не дано знать, когда он родится и когда умрет. Об этом знает только Всевышний. Смерть-разумница, она приходит всегда не вовремя. Говорит же народная мудрость: до её прихода, нужно вырастить детей, построить дом, посадить дерево. Михалыч вырастил двух сыновей, деревьев посадил много за свою жизнь. Правда, не построил своего дома, но построил много домов в Казахстане для людей. Может, зачтется, а что касается того, сколько еще придется прожить Игорю Михайловичу, то думать об этом ему стало неинтересно, для этого надобна высота души и благоразумная уверенность в себе.

Надо бояться смерти не в час опасности, а когда нам ничего не грозит. Святые старцы говорят: кто не думает о смерти, тот не живет. Самое важное то, что происходит до рождения и после смерти человека, подумал Игорь Михайлович, погружаясь в глубокий сон...

ЗАБЫТЫЙ ВЕЛИКИЙ ЕВРАЗИЕЦ

Духовное наследие России неисчерпаемо. Исследователь, стремящийся погрузиться в историю русской философской и социально-политической мысли периода X – начала XXI века, поражается всеохватности тем, философских направлений, течений, великих трудов русских мыслителей.

Среди огромного множества ярких мыслителей, оставивших след в истории русской философии, великой русской культуры, особое место принадлежит Мечникову Льву Ильичу. Лев Ильич Мечников (1838 – 1888) родился в талантливой дворянской семье. В семье было пять мальчиков, все они вошли в историю научной и общественной мысли России второй половины XIX века. Младший брат Илья Ильич Мечников (1845 – 1916) стал лауреатом Нобелевской премии (1908 год). Иван Ильич (1836 – 1881) был известным юристом в России, его смерть послужила темой для гениальной повести Л.Н.Толстого «Смерть Ивана Ильича». Среди братьев, по признанию самих членов семьи и людей, близко знавших их семью, самым одаренным был Лев Ильич. Он сочетал в себе таланты выдающегося философа, географа, революционера, принимал участие в революционной борьбе гарибальдийцев в Италии, пропагандиста и ученого. Он оставил после себя труды по географии, статистике, физике, математике, философии, антропологии. Лев Ильич интересовался живописью, музыкой, театром. Его феноменальная память, выдающиеся умственные способности, необыкновенное трудолюбие, знание более двадцати языков, в том числе ближневосточных и японского, удивляли и поражали всех, кто общался с ним.

Лев Мечников являлся представителем географического детерминизма в России. В книгах «Цивилизация и великие исторические реки» (географическая теория прогресса и социального развития) М.: 1924, «Географическая теория развития исторических народов» 1889, он рассматривает взаимосвязь исторической судьбы народов в соотношении с географической средой, которая определяет род их деятельности и влияет на развитие материальной и духовной культуры. Историю человечества мыслитель разделяет на три фазы – речную, морскую и океаническую. Подобная периодизация исторического процесса, где каждому географическому периоду соответствует определенный этап истории со своей системой организации

труда, со своими прогрессивными и регрессивными зигзагами в социальной сфере, позволили Л.Мечникову спрогнозировать будущее развитие Японии. Он считал, что Япония будет быстро развиваться и прогрессировать в культурном плане благодаря сочетанию собственной, отличной от других стран, самобытности с современной европейской технологией и растущим участием в международной концепции.

Читаешь ученого и поражаешься его прогнозам, сделанными им во второй половине XIX века, которые полностью совпали с тем, что сегодня (и в прошлом) происходит в стране Восходящего Солнца.

Развитие России, считал он, в чем-то схоже с японским, однако имеет и свои принципиальные отличия. Наша страна, по его мнению, являет собой самостоятельный тип континентальной неокеанической («незападной и невосточной») цивилизации, для развития которой пространственно-географический фактор имеет огромное значение. Для будущего России крайне важна, считал ученый, не столько сырьевая, сколько индустриальная ориентация, связанная с отечественным развитием производства.

Он выступает, по отношению к России как евразиец. Его заботит проблема природопользования. Он выступает против варварского использования природных богатств, т.к. это может привести к резкому оскудению естественных ресурсов и истощению плодородия почв. Необходимо, по мнению Л.Мечникова, человечеству научиться не вторгаться в систему природной данности, а соединить усилия по созданию, на природообразной основе, речных обводнительных систем.

Считал, что если Россия рационально использует свои водные ресурсы: реки, озера, моря, океаны, то она способна развить свои производительные силы до такого уровня, что войдет в число самых цивилизованных государств мира. И ей не будет равных в области развития экономического

базиса, а в области культуры она станет первой, духовной, интеллектуальной державой мира.

Стоит поразмыслить нам, людям XXI века, что делается сегодня в России. На что ориентируют развитие страны ее руководители. Размышляешь над пророчествами гениального ученого и задаешься вопросом, что будет с нашей страной, если она вступит во Всемирную Торговую Организацию? Нам будет уготовано быть только сырьевой базой, а о своем отечественном развитии производства нам нужно будет забыть... Всякие доводы в пользу развития производительных сил, производства будут отметаться, нам будут доказывать о их нерентабельности и убыточности. Лев Мечников был противником европоцентрической схемы истории и осуждал противопоставление «варварского Востока» и «цивилизованного Запада». Прогресс, для мыслителя, в истории человечества, выступает как солидарность людей, которая проходит три основные стадии: насильственную, полунасильственную и добровольную. Он на первое место ставит взаимопомощь, которая начинается с физической необходимости и перетекает в человеческую сознательность с неограниченной свободой, по мере нарастания прогресса, в котором существенную роль играет наука и техника.

Он пишет о солидарности: «Прогресс – укрепление социальных связей, солидарность. С точки зрения современной науки, свобода есть единственная характерная черта цивилизации, мы не должны обойти молчанием того соображения, что социальная эволюция всюду находится в зависимости от органических условий. Следовательно, окружающая среда и вообще все естественные условия влияют со своей стороны на форму кооперации, направляя и координируя усилия отдельных личностей».¹

Социологические, антропологические исследования Л.Мечникова позволили ему высказать интересные идеи, связанные с наследственной разнокачественностью людей.

¹ Мечников Л.И. «Цивилизация и великие исторические риски» - изд-во «Вестник Европы», 1889 – 365с.

Ученый выступал против селекции людей и полагал, что наследственность вторична после среды и социальных условий в формировании личности. Выходит, что социализация, с ее воспитательными принципами и сферой общения является для него главнейшими в становлении личности на всех этапах ее развития.

Личность, считал мыслитель, является высшей нравственной ценностью. Высшей ценностью для России, ее науки и культуры является сам Лев Ильич Мечников, который по выражению В.Соловьева и Г.Плеханова представляет ученого, вклад которого составил эпоху в истории науки. «Наука – писал Г.В.Плеханов – несомненно, много выиграет, если будет последовательно, с точки зрения методологии, держаться взглядов великого мыслителя Мечникова»². С этим суждением нельзя не согласиться.

СВЕЧА

Люди по разному входят в литературу, видимо, этот шаг такой же загадочный, как загадочна душа человека. Человек, начинающий интересоваться окружающим его миром, осваивая его пространственно, растёт вместе с ним, осваивает время, социализируется заодно с ним.

В этот период времени личность начинает выражать свой интерес, осознавать своё будущее предназначение. Это особенно проявляется в литературе, когда она властно берёт начинающего поэта в полон, а он в свою очередь безраздельно отдаётся целиком творчеству, как будто пытается оставить потомкам сокровище своего ума и сердца.

Предметом моих размышлений стали прочитанные поэтические книги Ольги Даниловой-Пушкарь «Как хорошо в моей России» и «Весеннее окно», изданные в Санкт-Петербурге в 2008 и 2009 годах. О них и пойдёт речь.

Творческая биография Даниловой мало чем отличается от других людей. Врач по образованию, стихи пробовала

² Плеханов Г.В. «Избр. философские произведения в 5 томах» - изд-во политической литературы, 1956 – т.1, 639с.

писать ещё в школе. Постоянное чтение книг позволило её прикипеть к литературе вообще, и к поэзии, в частности. Язык поэта сдержанный и строгий, но она позволяет себе образные сравнения, причём все они поразительно свежи и смелы в своей чёткой определённости.

Мы привыкли уже к безпределу.
Нынче время разврата и власти.
Душу бросили. Отдали телу
Весь соблазн, удовольствия, страсти.
Безрассудные, страшные годы...
Ах, Россия, моя ты Россия!
Поиграли немного в свободу...
Да, не так у Христа мы просили!

Исподволь, незаметно подкралось к ней разочарование, прозрение. Её вера во всемогущество, справедливость власти была поколеблена после развала СССР. С болью поэтесса осуждает то, что происходит сегодня в России. Она не может смириться со злом, искренне пытается избавить людей от страданий.

Под небом голубым России
Равны – богатые, босые.
Сверкают храмов купола,
Звонят в набат колокола.
Чтоб совесть стали снова слушать,
Стучать в черствеющие души,
Как в двери, зовом – «Отвори!..»
Добру откликнемся: «Твори!»

Нравоучительную окраску придают стихи, в которых имеет место повествовательность, они представляют собой прямую речь поэта. В них либо описание каких-нибудь событий, взволновавших автора, либо тревога. И таких стихов достаточно в книгах, они составляют сентенции, т.е. отражают переживания близких ей людей. Это не бинарность, а наоборот, единство. Подобное сочетание в зависимости от характера жизненных обстоятельств на время выступают на первый план, но в конечном счёте, они совмещаются и сливаются друг с другом.

...Я стану верить встречам, людям
И стану ждать хорошее...

Строители своих мы судеб –
Зерно в землю брошено...

Автор не предлагает какую-либо последовательную и всеохватывающую нравственную основу бытия людей. Она не учит людей, как им жить. Мораль её ситуативна – касается её самой, или близких ей по духу людей и связана с житейским контекстом. Её моральные сентенции опираются на здравый смысл, не претендуя на безусловную общезначимость. Поучительные дидактически-доктринарские стихи, в которых наличествует мораль, Ольга Данилова применяет только к себе.

Сама себе я прокурор,
Сама и адвокат.
Твержу суровый приговор
И оправданий ряд.

Мне нравятся стихи Ольги Ивановны, посвящённые сибирской природе.

Берёзы перламутровы,
А сосны зелены
И небо смотрит утренне
В преддверии весны.

Так, начинается, обновляется, прежде всего весенний запев, а затем переход к другим временам года.

Но этот переход перестаёт быть только данью традиций, соблюдением шаблонного параллелизма, установившейся схемы – именно потому, что уже само изображение весны приобретает у поэтессы лирически впечатляющую жизненность.

Дней ушедших вереницу
Увенчает месяц май –
Синеглазку медуницу –
Хоть в охапку собирай.
Вдаль бегущая тропинка,
Как загадочный узор,
Заплетается в осинках,

Опоясавших бугор.
Там цветущие поляны
В золотистой желтизне,
Там черёмух запах пряный
Кружит голову весне...

Условный пейзаж, отражающий время года, перестаёт быть условным, данью одной лишь традиции, - он обретает воздух, как только почувствует рядом с собой дыхание, биение сердца, влюблённость в природу поэта.

...Берёз белоствольных
Кружат хороводы,
Как дышится вольно
В объятьях природы,
В объятьях России,
Душою хранимой,
Бездонной и сильной,
До боли любимой.

Ольга Ивановна прекрасно передаёт гамму чувств, меняющийся лад, то минорный, то мажорный в стихах о любви. У неё способность любить сочетается с духовностью и не связана с меркантильной озабоченностью.

Любовь дана человеку, как божественный дар и долг личности перед Всевышним и выступает в двух ипостасях: духовной и телесной. Поддавшись страсти, только разумный человек способен остановиться и выгresti золу из сердца.

Ты в жизнь мою вошёл, не прошен...
Каким ты был, я всё же, не пойму.
Твой образ прошлым запорошен,
Не нужен ты – ни сердцу, ни уму.

Пороки души похожи на телесные раны. Счастье и несчастье мы переживаем соразмерно нашему себялюбию. С волнующей откровенностью Ольга Данилова раскрывает драму женского сердца – во всех её противоречиях и сложностях, сумев придать ей духовно-нравственное звучание. Поэтическая биография Ольги Даниловой-Пушкарь только начинается с изданием этих книг. В двух книжках биография спрессована, стянута в малый

промежуток времени. Книги стихов являют собой отражение лирической исповеди поэтессы. Ольга Ивановна скромно призывает довольствоваться малым и не удовлетворяться достигнутым. В стихотворении «Свеча» она пишет:

Я выбрала профессию врача.

Гори, свети добром, моя свеча!

И не туши её усталость,

Пусть людям помогу – хоть малость!

Будем надеяться, что поэтесса не ограничится теорией малых дел и разовьёт свой поэтический талант, порадует, ревнителей литературных традиций и чистоты литературного языка, порадует и нас, простых смертных любителей русской поэзии.

ВСЕВЛАСТИЕ ЛЮБВИ

О прозе Николая Олькова

В издательстве «Шадринский Дом печати» вышли две книги Николая Олькова: «И ныне и присно» (2008 год), «Глухомань.(Земля крови)» (2009 год). Он автор 25 художественных и публицистических книг. В своем творчестве мне он представляется как документалист и бытописатель, православный писатель.

Сюжетная канва рассматриваемых работ - любовь. В рассказе «Крутые Озерки», в повести «И ныне и присно» выделяется индивидуально-эмоциональное содержание, впрочем, и обобщения сформированы так, что явственно слышится голос самого автора, свойственная ему страстность и нежность, прихотливая смена бодрости и грусти, предметность воображения. Любовь властвует над поступками человека, её верховная власть такова, что нельзя спрогнозировать линию поведения, она властно вторгается и изменяет природу человека вплоть до нарушения самих её законов. В любви сконцентрированы лирические и психологические обобщения автора, его опыт, мысли о своей любви к женщине и самой природе этого чувства.

Повесть «И ныне и присно» открывается описанием, как польская семья историка Леопольда Лячека по приглашению самого Государя Николая Второго прибывает из Варшавы в Петербург, чтобы привести в порядок найденные в архивах важные документы и дать им толкование. Семья въехала в Царскосельский дворец, где ей были отведены комнаты. Сын историка тринадцатилетний Бронислав знакомится в Царскосельском саду с младшей дочерью царя Анастасией. Вот как описывает их первую встречу автор:

«- Ну-с, - обратилась она к покрасневшему незнакомцу. Он уже понял, что перед ним одна из Великих Княжжен.

- Меня зовут Бронислав, Мы только что прибыли из Варшавы.

- Замечательно! Это вас поселили с северной стороны дворца?

- Право, не знаю, я еще не ориентируюсь, где здесь север. Девочка залилась веселым и громким смехом».

Несколько встреч с Анастасией определили жизненный вектор Бронислава, у которого открылись удивительные способности предсказания событий. Встреча с Григорием Распутиным убедила подростка в удивительном его даре, а видения грядущей войны поразили и потрясли родителей.

Н. Ольков описывает простоту Анастасии, её сестер, восхищается чертами характера, воспитанностью царских особ, но не избегает и житейских деталей. Читая повесть, размышляешь о быстротечности счастья, о непорочности и целомудрии молодости, о мимолетности любви. Но любовь, возникшая у подростков и проявившаяся в симпатиях друг к другу, оказалась длиною в жизнь. Она вошла, робкая и чистая, и стала возвышенной и бескорыстной для Бронислава.

Выезд семьи в Тобольск, по настоянию Распутина, разлука с Анастасией, стали трагедией для впечатлительного подростка. Писатель не ограничивается тем, что превращает своего героя в носителя любовных чувств, он показывает его многотрудную жизнь. В советское время Брониславу Лячеку пришлось сменить фамилию на Арсения Чернухина, сменить

десятки профессий, быть участником Великой Отечественной войны. Человек скромный и простодушный, он, вместе с тем, убедил себя в том, что Анастасия жива, и он должен выполнить обещание, данное самому себе, найти ее, и ради этой цели готов не считаться ни с какими жертвами. Что он выстрадал за годы искания своей любимой, непрерывной душевной пытки и каждодневной борьбы, сталкиваясь с разными людьми, какой жестокий демон втайне терзал его и подрывал в нем рвение к избранному пути. Какой мучительный трепет овладел им, когда, казалось, наконец-то он нашел её, а затем каким тяжелым камнем ложилось на его сердце, что это не Анастасия, и он вновь начинал очередные поиски.

Н. Ольков в свойственной ему манере описывает бытовые будни своих героев с житейскими деталями, где есть и ночные грезы, и подушки, смоченные слезами, когда томление переходит во вдохновение. Власть любви автор ставит выше всякой другой власти. Тут проявляется нечто противоположное сегодняшнему чуть ли не мистическому культу физической любви, здесь речь идет о романтическом, духовном чувстве, любви “издалека”. Слово “издалека” имеет для меня чисто географическое понятие и связано с упоением недоступной любовью.

В рассказе “Крутые Озерки” любовь неназванного героя к девушке Варюше безответная. Жизненность этой истории в предметной эмоциональной убедительности. Эта насыщенность переживаний героя подлинными чувствами осознается читающим. Однако понятие искренности, подлинности и связанной с ними простоты самовыражения - не такое уж простое дело, искренность в подобных случаях никак нельзя сводить к беспритязательной передаче жизненного материала, мыслей и чувств, взаимоотношений влюбленных - всего того, что испытал писатель в жизни. Искренность не сводится к примитивной автобиографичности, а то и противоречит ей. Автор скорбит о несостоявшейся любви, как, впрочем, и в повести “И ныне и присно”. В жизни часто видишь угасание любви,

понимаешь, что ограничены ресурсы сердца, его пределы. В произведениях Н. Олькова любовь, несмотря на драмы и даже трагедии, является источником радостей, а не уныния и усталости.

В прозе Николая Олькова все движется, меняет цвета, летит и течет, ему свойственна устремленность, в текстах много глаголов, и даже большинство эпитетов не прилагательные, указывающие стабильные свойства героев и обстоятельств, а причастия и деепричастия, обозначающие действие или временное состояние. Постоянным спутником автора является автомобиль, он все время куда-то спешит, эта торопливость чувствуется и в его прозе. Он не шлифует свои тексты, но это не небрежность, она не приводит к оскудению литературного языка, автор точно и тонко отбирает слова, строит и заостряет причудливые обороты. Мы восхищаемся его многовидностью слова. Приведу небольшую цитату из повести “И ныне и присно”, описывающую красоты сибирской природы:

“Седой зимой через убродные суметы снега с трудом протискиваются лоси и козы, направляясь в подлески, где вихревой ветер озорно выметает опушки, оголяя засохшую траву, малый кустарник и золотой березовый лист, который тоже годится в пищу, если неволят морозы и падера”.

Человек, живущий в Сибири, прочитав эти строки, вздрогнет и будет читать книгу до конца. Именно это свойство письма Н. Олькова побуждает читателей углубляться в тексты его поветей и рассказов и перечитывать их. Персонажи книг - люди простые и известные, имеющие разные профессии, разный уровень интеллекта. Благодаря творческой энергии ему удалось избавиться от пут сентиментально-романтических установок, когда он давал волю фантазии и полагался на собственный эстетический вкус. Сейчас под пером писателя действительно рождаются образы, выхваченные из потока подлинной жизни.

В книге “Глухомань” собраны повести, рассказы и очерки, они говорят о душевной терапии, о чувстве исторической

безысходности, разочаровании настоящим и влюбленности в прошлое. Разумеется, по своей социально-политической направленности мироощущение Николая Олькова прагматично, направлено на сохранение элементов докапиталистического уклада России. Но жизнь есть жизнь, и нужно исходить из возможности гармоничного сочетания элементов советского периода и нынешнего времени, эта дихотомия присутствует в его произведениях.

Книги Николая Олькова заставляют читателя размышлять, вселяют в него благородные порывы и чувства, они созданы рукой мастера.

АЛЕКСЕЙ ШЛЯКОВ

ПУСТОТА И ОДИНОЧЕСТВО

Злоба.

Четыре стола и пустая утроба.

Слово.

Слово дерзкое поперек.

В доме четыре невесты

У каждой веретено

И маленький образок.

Дверь.

Закрытая дверь.

Как - будто к чужим

Вчера – прошло.

Настало «теперь».

Мама, я стал большим.

Снова и снова рождение в грусти

Четыре прибора опять на столе.

Гости топят усы в капусте.

Какая им разница: кто я и где?

Тихо. Шаги у каждого разные.

До тошноты знакомые.

У кого-то живут животные.

У нас живут насекомые.

Четыре вилки, четыре ножа

Лишний стакан убрать
Скажи, руку на сердце мне положи
Хотелось ли мне умирать?

О.Ц.

Поспеш, твои сани еще не готовы
Не Емеля, на печке не съездишь к реке.
Да и я не любитель подлёдного лова,
Чтоб от щуки слышать заветное слово,
Дабы вёдра зимой не примерзли к реке

Поспеш, твои сани еще не готовы.
Не наколим сугробов – не сможем свезти
И покада декабрь еще не коронован
Я хотел бы чуть-чуть у тебя погостить.

Поспеш, твои сани еще не готовы.
Как же мы по зиме будем вьюгу ловить
В пору лошади нашей приладить подковы
Чтоб в пути её ноги не стали кровить

Поспеш, твои сани еще не готовы.
Заждались нас, и водка согрелась давно
И четыре стены беспокойного крова
Одиноко с надеждою смотрят в окно.

ЧУДО

Чудо! Я увидел чудо!
Посмотрите: вон, меж сосен
Пробирается Иуда.
Я - то думал, что он помер.

Чудо, чудо, посмотрите
Ниточка ведет на небо.
Я-то думал путь неблизкий,
Оказалось это рядом.

Чудо! Я увидел чудо!
Я летал под облаками.
Где же новые мозоли
Ведь шершавым было небо?

Ай, умру от непогоды.
Ай, зальет дождь ненасытный.
Не отвечают мне люди.
По домам все разбежались.

Прямо в сердце ветку-пику.
Небеса, да где вы, где вы?
Отворили злу калитку,
А ключи то потеряли.

Кто куда, а я усталый
Не стерпел и стал прозрачным
Меня ветром разбросало
По ветвям таежных елей.

ПЕСЕНКА

Вот гитара без струны,
Вот часы без стрелки.
Вот солдаты без войны,
Колесо без белки.

Вот кисет без табака,
Вот стакан без чая.
Вот корабль без моряка
С пристани отчалил

Вот похмелье без вины
Вот жена без мужа
Муж лежит среди войны.
Никому не нужен.

* * *

Пестреет ночь блестящим тротуаром,
Залитым, траурными водами отхожими,
И кто-то, прислонясь к столбу фонарному
Цитирует стихи на Бальмонта похожие.

В его руках последней сигареты
Чуть тлеющий огонь сзывает мотыльков.
В кармане книга Нового завета,
Бутылка водки и молитвослов

Он пьян, иль слеп мне не видать отсюда
Я просто чувствую, как воеет он стихи.
Он также как и я желает чуда
И кается за все свои грехи.

* * *

В кулаке счастье.
В ладони- несчастье.

В кулаке победа.
В ладони хлеб для лошади.

В щепотке соль.
В щепотке крестное знамение.

ЮРИЙ ПАПИН

ПОЛЕ

Где б ни был я, душа болит –
а как там мое поле?!

Оно ж не камень-монолит –
не терпит вдовьей доли.

Бывало, трактор заглушу
у молодой опушки,
сойду к ночному шалашу,
прильну к земле-подушке.

Она черна, но как в саду
не надышусь пареньем,
поутру поле обойду
под шум листвы весенней.

Склонюсь над раннею росой,
над стернью плодovитой,
шепчусь иль с ними, иль с собой –
как бы пою молитву.

Наверно, я просил у ней
быть и добрей и строже,
просил у матери своей
всего лишь день погожий.
Чтоб допахать, как долюбить,

чтобы не зря все было
и чтоб земля, как должно быть,
зерном заколосилась.

* * *

Что проку вдаль глядеть и ждать,
когда к делам привязан?
Какая держит нас узда,
за что и кем наказан?

А мне бы к небу воспарить,
согласен в бездну падать,
а тут пора обед варить,
зачем-то брюки гладить.

А хорошо бы улететь
куда-нибудь подальше,
где никакой заботы нет,
и все слова без фальши.

Все первозданно и впервой,
вокруг одни деревья...
А что случилось бы со мной
в наивном мире древних?

Забили б палкой и кнутом,
что их не понимаю
и не могу сказать о том,
чего они не знают.

Нет, не хочу в забытый мир,
там не хочу быть первым,
я лучше здесь сниму мундир,
чтоб лазить по деревьям.

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Я в палатке душной
спать не захотел,
вышел на опушку,
на пенек присел.

Неужели снится?!
Дивно так вокруг!
Поздние зарницы
освещают луг.

Речка-вертихвостка
тянет лунный след,
а вдали с наперсток
ели силуэт.

Маминой косынкой
лег туман седой,
будто кто из кринки
вылил дух парной.

Женщины босые
иль стволы берез?
“Это ж все Россия” –
вслух я произнес.

Потому понятна
вековая даль
до родимых пятен
на груди у скал.

Из чащобы хрустко
покатился крик...
Лось трубит – по-русски
с лесом говорит.

* * *

Черной ночью выпал снег
молока белей,
искрами рассыпался
он у фонарей.

До утра нетронутым
так себе лежал,
чтобы я, не кто-нибудь,
это увидал.

Удивился сказочной
белой белизне,
был бы рад несказанно
раствориться в ней.

Чтоб душой очистившись,
мог глаза поднять:
Дева ты пречистая,
помоги понять:

почему сквозь тернии,
почему всегда?
Хватит ли усердия,
чтоб зажглась звезда?

Так ли всё устроено,
что она не ты,
и в какую сторону
мне к тебе идти?

В пелене нетронутой
я б оставил след,
но не как иронию,
что святого нет,

а как веху вроде бы,
как дорожный знак,
чтоб не сделал кто-нибудь
лишний здесь зигзаг.

И наградой отчею
будет, если вдруг
он поймёт по почерку,
кем разорван круг.

ЗАВТРА

Живу без почтения к знакам,
приметам и зодиаку,
но всё-таки хочется знать мне,
что будет со мною завтра.

И вроде бы все устоялось:
семья и работа, и возраст,
но все-таки жду постоянно:
придет долгожданное завтра.

Не знаю, что именно будет,
но только уверен – случится.
Меня раным-рано будит
не спящее это чувство.

Есть сила, упорство, характер,
стремление, цели, заботы.
Успеть бы их все истратить –
скорей бы завтра,
да за работу!

ПЕСНЯ РУСАЛКИ

В озере глубоком
на песчаном дне

среди струй холодных
неуютно мне.

Не летит мой сокол,
хоть и ночь светла,
слезы поволокой
застят мне глаза.

* * *

Дитя не пойдет на попятную,
не зная, что это такое,
не станет ругать непонятное,
а просто не даст Вам покоя:

расспросит, потрогает, всмотрится,
пока не оценит, как должно,
что есть и сухое и мокрое,
и что отличить их несложно.

А тут бесполезно выспрашивать,
надеясь на добрые взгляды,
в них нет воспарения Вашего,
им этого просто не надо.

Коллеги куда откровеннее,
зовут словоблудием песню,
во мне же ни капли сомнения,
и мир будто надвое треснул.

Кто против – компания шумная,
кто за – не намного ближе,
а я, как дитя неразумное,
тому только верю, что вижу.

*** * ***

Где света нет – там тьма, хоть глаз коли,
где ничего – там вакуум холодный,
и где бы ни летали корабли,
другого не придумала природа.

На Свете нет другой такой Земли,
природа не творит избитых клонов,
и на другой не гнутся ковыли
в приветственно-доверчивом поклоне.

В холодной тьме нехоженой дали
я не ищу себе другой орбиты,
иду по той, которую нашли
нам наши предки в мире ледовитом.

Ни колесо, ни каменный топор
им не дарили инопланетяне.
Они раздули собственный костер
на никому неведомой поляне.

Свет от костра развеял тьму вокруг,
из ничего возникла тень телеги,
быстрее с годами вертится тот круг,
самим бы не начать по кругу бегать.

Не гаснет свет в космической пыли,
а вакуума просто не бывает.
Нет облаков ни рядом, ни вдали,
но где-то ж есть – в них мысль моя витает.

*** * ***

Ни к чему эти склоны в бананах,
если где-то на берег реки
опускается вечер туманом
и не гаснут в ночи васильки.

* * *

Ты говоришь, что бога нет,
но кто тогда придумал это –
в глазах вдруг меркнет белый свет,
но остаешься ты из света.

* * *

Я не гадаю на кофейной гуще,
не задаю вопроса – быть не быть,
но просто знаю – будешь бегать пуще,
тебе удастся время обмануть.

* * *

Известно зонт, как тени шор,
сужает резко кругозор.
Я в дождь готов отринуть зонт,
чтоб заглянуть за горизонт.

* * *

Когда амбиций полон рот,
то дел пустых невпроворот,
одна лишь мысль свербит в уме:
Что бы еще придумать мне.

* * *

Говорят: молчанье – золото,
это верно оттого,
что молчащим платят дорого,
значит, есть платить за что.

БОРИС ПАРОМОВ

ЖИЗНЬ КАК СОН.

Рано или поздно судьба отправляет человека в нокаут, после которого он вдруг осознает, что все, что когда-то было будущим, стало прошлым и в предчувствии Высшего суда пытается осмыслить промелькнувшую жизнь.

В 60 лет прямо в день рождения меня без предупреждения свалил инфаркт, что случается нередко и со многими. Но я понял, что это такое, когда сам оказался в стальных объятиях и без страха, но с печалью думал, что жена станет вдовой, а сын еще не женат и не укрепился духом. А я уже никому ни чем помочь не смогу. И моя персональная юбилейная выставка, подготовка к которой и послужила, по-видимому, причиной несчастья окажется посмертной, как я её в шутку называл. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Я не умер, о чем свидетельствуют эти строки, а застрял в каком-то промежуточном состоянии, став как бы приведением, выключенным из активной деятельности, глотателем таблеток. О своей прошедшей жизни я не имел определенного мнения, поэтому теперь, оказавшись, по ту сторону добра и зла, решил повернуться спиной к будущему, сколько бы его не осталось, и повнимательнее взглянуть на прошлое, и подвести черту.

Как-то однажды я написал несколько рассказов о своем детстве и юности. Их напечатали. Хотя никакого отношения к писательскому цеху не имею, но как художник обладаю образным мышлением, которое помогает мне в выражении мыслей и чувств.

Если детские грезы и мечты описывать довольно легко в силу их чистоты и яркости, то для изображения взрослой жизни требуется другой прием, позволяющий оживить ее прозаичность.

Как всякий человек я видел сны. Некоторые мне запомнились, кажутся символическими и связанными с моей биографией. Я припомню несколько из них в контексте моей жизни и кратко прокомментирую. По моему мнению, в соединении сна и реальности больше смысла, чем в нудном бытописательстве. Они не похожи на сны Веры Павловны из романа Чернышевского «Что делать», потому что рисуют картины не светлого будущего, а сюжеты прошлого, еще не отболевшего в моей душе.

Начну я с самого отдаленного по времени воспоминания. Солнечный летний день, прекрасный как сон. Впрочем, это и есть сон.

Тюмень 60-х годов. Уютная милая провинция. Я вижу себя идущим по центральной улице мимо нового Гастронома, мимо старого «Детского мира», под огромными тополями, увешанными гроздьями тополиного пуха. Такая кругом благодать и радость, какая только может быть в душе демобилизованного воина. Я в форме старого образца, подогнанной по фигуре, в яловых сапогах гармошкой. В зеленой фуражке и погонах с золотыми сержантскими нашивками, со сверкающими знаками отличия грудью. Короче – пограничник во всей красе, похожий более на белого офицера.

От взглядов встречных красавиц сердце чувствует себя погруженным в мёд. Но что это? Вдруг как удар колокола я слышу приказ, что мне надлежит явиться на призывной пункт для прохождения службы. С горечью осознаю, что ещё на три года (тогда служили три года) буду вырван из этого

солнечного мира наполненного радостью и любовью. Но ведь я уже отслужил два срока и если меня снова мобилизуют, то это будет уже девять лет! Оглушенный этой цифрой, я проснулся и долго не мог придти в себя. Этот сон в разных вариантах повторялся не раз.

Моя служба и впрямь не была легкой. Она пришлась на Китайский кризис. Многие тогда погибли (вырезали соседнюю заставу, были бои на острове Даманском). Но когда я вернулся домой, то долго не мог найти себе места. А, выпив вина, рвался вернуться на границу.

По-видимому, военная служба в жизни мужчины имеет какое-то культовое значение. Когда в 50 лет меня сняли с воинского учета, то, выйдя из военкомата на декабрьский холод, я прослезился.

БЫВАЛИ ДНИ ВЕСЕЛЫЕ

Послевоенное поколение, к которому я принадлежу, пожалуй, было первым подвергшимся целенаправленному спаиванию.

При Сталине молодежь не пила. Это во времена Хрущева начали на всех углах торговать дешевым вином румынского и отечественного производства, а также вкусными болгарскими сигаретами. В кино и в литературе появились симпатичные пьяницы и обаятельные тунеядцы. И, хотя это носило сатирический характер, но не так, чтобы очень.

Да к тому же иностранные фильмы наглядно демонстрировали сладкую и недоступную нам жизнь. Выглядела она для семнадцатилетних неотразимо привлекательной. Тем более, что мы уже досыта наелись хлеба и начали обзаводиться туфлями на шпильках, красивыми платьями и приличными костюмами. На 10 тех рублей можно было купить 10 бутылок дешевого подового-ягодного вина, 10 ливерных пирожков и 3 пачки сигарет «Шипка», ну и спички. Сами понимаете, можно было гулять всю ночь. И мы гуляли.

Как-то на досуге я подсчитал потери. Только в моем окружении веселая жизнь унесла не один десяток друзей, приятелей и знакомых. Некоторых из них ожидало большое будущее, но не дождалось. Один застрелился, второй повесился, третий отравился фальсифицированной водкой, четвертый умер от наркотической передозировки, пятый, а затем шестой и седьмой...

«Ну, а ты что же? - спросите Вы – ведь ты-то живой». Это так. Но я никому не пожелаю испытать крушения сошедшего с рельсов поезда жизни, которое мне пришлось пережить и, хотя в этой катастрофе я уцелел, однако дальнейший путь проделал на дрезине по узкоколейке. Дорого бы я дал, чтоб в тот момент, когда я поднес к губам первый стакан вина, Господь отрубил мою руку.

О себе не принято плохо говорить, тем более писать. Писатели, как я заметил, себя любят. Но я не писатель и поэтому хочу не любить себя, как женщина, а уважать. Это очень трудно, а может быть и невозможно после того, что случилось в моей жизни. И хотя по большей части это было легкомыслие молодости, я не могу себе простить, что принес много горя своим ближним и не осуществил в должной мере божественный замысел обо мне.

С тех пор прошло больше чем полжизни, но меня до сих пор посещает ночной кошмар, будто я нахожу себя в людном месте едва ли не голым, без вещей, без денег и документов, опухшего и жалкого. Припоминаю, что должен был ехать в город N по важному делу, но выпил с кем-то рюмку, потом ещё и, забыв о командировке и делах, ударился в разгул.

Среди отрывочных деталей сна я тщетно пытаюсь сообразить, как могло случиться подобное, после того как я с давних времен не только не пью, но даже никогда не помышляю об этом? Здесь я как никогда согласен с тем, что сон разума рождает чудовищ. Да, но ведь этих чудовищ я создал сам.

ЧУДЕСНОЕ ЛЕТО

Ушли в прошлое суровые армейские годы. Закончился едва ли не под забором праздник жизни. Безрассудство молодости ребром поставило главный вопрос жизни, сформулированный в двух словах Гамлетом: «Быть или не быть?».

Как выяснилось не быть легче и проще. Первый опыт взрослой жизни отрезвил меня. Я понял, что деньги, женщины и вино не моя стихия и вернулся к тому с чего начал. К рисованию. Занятию совершенно бескорыстному, но заполняющему всю жизнь без остатка. Взялся я за это дело весьма энергично и в короткое время надоел своими амбициями мэтрам, которые считали, что я пишу не то, что нужно и не так, как нужно. Поэтому они решили послать меня для профессионального развития в Дом творчества «Академическая дача имени И.Е. Репина», где я прожил три чудесных месяца. Приехал, когда были яблоны в цвету, а в конце уже спелые яблоки падали в траву.

Но я не изменился. Мало того, когда в минуту сомнения спросил у своего художественного руководителя, не следует ли мне поступить учиться в художественный ВУЗ. Он, подумав, сказал, что не нужно. «Делай, что делаешь, но точнее», добавил он. В последствии, я убедился в его правоте. С тех пор прошло не мало дней. И однажды я вернулся в то время и в то место. Правда, уже во сне.

Прекрасный летний день на закате. Мы сидим на террасе. Мебель в белых чехлах. Огромный букет цветов на столе. Я вижу своего коллегу из Астрахани, такого же молодого художника. Вижу красавицу цыганку, нашу натурщицу. Московского художника, нашего худрука, еще кого-то в сумерках сна. А главное удивительную даму в красивой шляпе и широком кружевном воротнике с овальной брошью. Разговор идет, естественно, об искусстве. Я как всегда настаиваю на том, что нужно быть собой. Мой приятель предлагает следовать авторитетам. Красавица натурщица сжигает меня огненными глазами, и даже во сне я чувствую опасность цыганской страсти. Московский

художник говорит о том, что ему надоело писать этюды для лотереи, а на большее он не способен. Худрук замечает, что этюды у него хорошие, а вот мне неплохо бы умерить гордыню.

Дама делится воспоминаниями, из которых я помню только то, что Есенина очень любили женщины, а вот Маяковского нет. Потом она играет на рояле что-то знакомое и красивое. Но вот доиграв, она поворачивается и, глядя на нас всех, и в то же время на каждого сообщает, что ей пришла пора уходить, и она прощается с нами. Добавляет, что было приятно провести последние минуты среди нас в этот дивный вечер. После этого она начинает меняться, теряя свою материальность и растворяясь в воздухе. И вот уже ничего нет, кроме её глаз, а вот и они исчезают. Некоторое время мы чувствуем на себе ее взгляд, но взгляд этот уже из другого мира.

Размышляя над этим сном, я прихожу к выводу, что это ушла от нас Русская культура.

СОН О ЛЕНИНГРАДЕ (*Петербурге*)

Волею судьбы я оказался в Ленинграде и попытался учиться в Академии художеств, став вольнослушателем. Но скоро понял, что учебный процесс, прививая профессиональные навыки, все же был построен в те годы на подавлении личности, в чем меня убедил пример приятелей, окончивших институт, но так и не развившихся в индивидуально образно мыслящих художников. И это весьма печально, так как подспудно шел процесс саморазрушения государства и его идеологии. Уже был запущен проект, заключавший в себе диссидентское движение и так называемый андеграунд. На фоне официального искусства по форме реалистического, но внутренне фальшивого и бездуховного эти новые умышленные и, прямо скажем, диверсионные направления

стали для молодежи символом свободы. Чем это кончилось, мы видим.

Я бродил по Питеру и постоянно чувствовал двойственность его бытия. Созданный по всем законам рациональной Европы, он был заполнен русским и даже азиатским стихийным народом. Логика его развития неоднократно разрушалась кровавым кошмаром.

Сел я однажды покурить на скамейку между двух огромных доходных, как их называли до революции домов. Передо мной была клумба, а подальше у стены ряд березок. «А Вы знаете, молодой человек, что это за место?» – спросила меня сидевшая рядом типичная питерская старушка в панаме. «Здесь был дом, в подвале которого было бомбоубежище. В один из авианалетов в него попала бомба, и он рухнул, похоронив под развалинами всех, кто там был. После войны убрали обломки, разбили клумбу и посадили над братской могилой березки».

Мне часто снится Ленинград. Снится по разному. Его красота и пышность известны всем. Я о другом. О том, что снилось. Широкий проспект. Пожалуй, что это проспект Огородникова, на котором я жил. Я понимаю, что вернулся из прошлого. Станный сумрак, похожий на белую ночь или вернее на черный день. Где-то здесь находился мой дом. Я, озираясь вокруг, вижу грандиозные дома, больше похожие на дворцы, роскошные фасады которых украшают гипсовые рельефы, мраморные кариатиды, поддерживающие балконы и гранитные атланты, подпирающие портики.

Однако, разглядывая в мглистом свете этот реальный миф, я замечаю, что все эти «архитектурные излишества» покрыты пятнами плесени, затянуты паутиной, а кое-где обросли мхом. Вместо окон пустые глазницы, в которых почему-то мерцают звезды. Я ищу свой дом, ищу себя. Но кроме рассыпающегося тлена ничего не нахожу.

Я никогда не жалел о том, что покинул этот город и живу в диковатой Сибири с ее солнечными снегами.

Так почему же мне снится Ленинград?

ТВОРЧЕСТВО

Жизнь художника для постороннего взгляда скучна. Но сам творец это вулкан. Иногда бездействующий, чаще сверкающий молниями, извергающий пламя, дым и пепел. Вы думаете, что это преувеличение? Отнюдь. В душе его бушуют космические бури. И счастлив тот мастер, который может утихомирить их, трансформируя и выражая в своих произведениях доступными ему средствами искусства.

Это удастся немногим. Остальные прозябают в нищете, безвестности, пытаясь погасить душевные муки вином. Чаще всего происходит подмена. И художник делает не то что желает, а что может или, что продается. Говорят, судьба в характере. Однако бывает у человека сильный характер, но слабые нервы и наоборот. Мне кажется в этом и заключается причина многих неудач, даже при наличии ума и таланта.

Всю творческую жизнь с детства я делал то, что хотел. Но, дожив до «Мафусаиловых лет» в этом усомнился. Может быть, не что хотел, а что понимал. Мне иногда снится, что я прихожу на вернисаж, где демонстрируются мои картины, и не узнаю их. Цветущие яблоневые сады под божественными небесами. Сирень в объятиях весеннего ветра, разливы рек до горизонта, сказочное разнотравье лугов. Короче говоря, картины земного рая. Все то, чего я никогда не пишу, занимаясь философией и мистикой. И только в ночных видениях из подсознания иногда всплывают образы, выражающие безрассудную радость.

В реальной жизни опираешься больше на здравый смысл и опыт. Но человеческая логика не исчерпывает содержания жизни. Щедрая и совершенно бесплатная красота цветов и бабочек, облаков и звёзд томит и возвращает в детство, где нет ума, а есть счастье.

А ГОДЫ ЛЕЯТ

Обычно писатели в своих произведениях описывают сложные взаимоотношения людей.

Строятся они между ненавистью и любовью. Особенно у женщин с мужчинами. Действует закон всемирного тяготения, который невозможно отменить, но хочется преодолеть. Именно от этого все самолеты, парашюты, дельтопланы и прочая воздухоплавательная техника. Но только в сновидениях можно превозмочь телесную тяжесть, ощутить неземную любовь, эфирную легкость объятий и поцелуев.

И снится мне, что я стою на крыше Исторического музея на Красной площади в Москве, стою лицом к Манежу, вокруг меня сияющая огнями ночь. Внизу по широкому развороту от гостиницы Москва несутся сотни машин. На Тверской светятся витрины, магазинов, и массы праздных людей развлекают себя ночной жизнью. Возле меня моя детская любовь, жившая на втором этаже барака в городе Ханты-Мансийске в середине прошлого века. Но мы уже не дети. Испытывая волнение, я оглядываю всю панораму, вечернее небо, башни Кремля.

Понимая друг друга без слов, мы, взявшись за руки, шагаем в пустоту и несемся к земле, но, вспомнив, что когда-то давно умели летать, у самой земли преодолеваем ускорение свободного падения и взмываем под небеса. Необыкновенная легкость, плавность полета среди безбрежного пространства и ощущение близости почти невесомого существа, прилетевшего из детства, наполняют счастьем.

Наслаждаясь полетом, я отдаю себе отчет, в том, что буду лететь, пока не усомнюсь и не потеряю веру в себя.

Мы парили над Москвой в те времена, когда она была сердцем нашей Родины. Но когда через годы я оказался на Красной площади в реальности, то не услышал биения этого сердца. Оно остановилось. Мы стояли посередине страны. Я, моя жена и мой сын, но взлететь уже не могли.

ПОСЛЕДНИЙ СОН

Сновидения бывают прекраснее яви, но также и ужаснее её. Нередко в объятиях Морфея человек навеки уходит туда,

где его ждут другие сны, гораздо более яркие, по словам очевидцев. Если взглянуть по научному, то мы всегда во сне, так как наше восприятие реальности весьма ограничено и условно. Но что мы видим, вот в чем вопрос? Последние события жизни показали, что на бессмертие и даже просто на долгожительство рассчитывать не стоит. Как ни странно, меня это не огорчает. Уходит мир, с которым я себя отождествлял, сходят со сцены мои сверстники. Смена декораций, смена поколений. Душа просит покоя и противится соблазнам нового века. Не завидую тем, кто остается потому, что обманчивое исполнение желаний или же крушение надежд, которое я уже пережил, у них впереди. Сознание иллюзорности нашей жизни убеждает, что все суета, все сон.

Однако пора заканчивать. Еще одно последнее видение. Я уже старик, иду по полю, по моему любимому русскому полю. Кругом приволье, кругом Родина моя. Но одновременно с чудными картинами пространство сна заполняет голос - мужественный баритон, доносящий до меня слова старой почти забытой песни. Причем ветер доносит не все слова. Я слышу: « В полях за Вислой сонной лежат в земле сырой Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой». И еще через порыв ветра: «Который год подряд одни в пустой квартире их матери не спят», и, наконец: «девчонки их подруги все замужем давно» ...Я открыл глаза и лежа среди тьмы с безысходностью осознавал то, что услышал.

В Тюмени рядом с братским захоронением у вечного огня есть одинокая могила. На плите со звездой высечено: «Рядовой Быков Порфирий Павлович. 1924 – 1942 г.». Он умер в госпитале от ран. Подходя к праху 18-ти летнего воина, я содрогаюсь душой, и чувствую себя ребенком, у которого погиб отец, хотя по прожитым годам он подходит мне во внуки. Более полувека длится его священный сон, который мне кажется более значительным, чем наше бодрствование. Это сон солдата, выполнившего свой долг.

Ибо нет выше подвига, чем положить свою душу за други своя. Вечная Слава и Вечный покой!

А для меня наступило время бессонницы, когда остается вспоминать свои грехи и повторять: «Если бы молодость знала, если бы старость могла»...

СУРОВЯГИН С.П.

ЛЮБОВЬЮ ДИКОЙ ПАХНЕТ

Любовью дивной пахнет
Сладкая сирень.
Опять же сладость –
Белых, белых яблонь.

И чьей-то зов в душе.
И встало вдруг
Незримо на пути
Воспоминанье.

О, белых яблонь спень,
О, белая тоска!
Сиреневая цветь,
Зеленая листва!

Скользнула птичкой грусть,
Качнулася душа.
И так не по себе:
Зачем иду? Куда?

Томительная грусть,
Внезапная печаль
Души тревожит глушь,
Когда придет весна

Когда от журавлей

Рыдают небеса,
Когда заносит снег
Поземкой у крыльца.

И НА КЛАДБИЩЕ ХОТЬ ПОЦЕЛУЙ ТЫ МЕНЯ
(посвящается «внебрачным детям»)

Незаконной любви -
Дитятя она.
Тайно в темной ночи
Красотой расцвела.

Ясно солнце взошло,
Белый свет обошло.
А чудная краса
Все жила и цвела.

А чудная краса
Все жила и цвела.
Но дитятей любви
Незаконной была.

Но дитятей любви
Незаконной была,
На несчастье свое
Все жила и цвела.

Так хотелось ей
Полюбить горячо,
А кругом лишь полынь
И душе холодно.

А кругом лишь жнивье
И душе холодно.
Озарилось вдруг
Дивным светом все!

Озарилось вдруг

Дивным светом все.
И дитяте любви
Стало так хорошо.

Словно темная ночь
Для нее без него.
А увидеть его –
Как рассвет хорошо.
А увидеть его –
Как рассвет хорошо.
И вздымается грудь.
И сияет лицо.

Глазки счастьем горят,
Зубки - что виноград.
На счастливом лице
Грезы мая и сад.

Но дитяте любви
Незаконной она.
И другому – жена,
Навек отдана.

Ах, ты темная ночь,
Без любви до утра.
И болит у ней грудь,
И страдает душа.

И болезнь, и тоска
Иссушили её,
Эту милую грудь
И родное лицо.

Эту милую грудь
И родное лицо.
Лишь увидев его,
Расцветает оно.

Ах, ты темная ночь,
Без любви до утра.
Не болела бы грудь,
Не страдала б душа.

Не болела бы грудь,
Не страдала б душа.
Ах, зачем, зачем жить
Без любви чуть дыша.

Рано зорька взойдет
В очи ей заглянет.
А в очах небеса
И сама пустота.

Пожалей же меня,
Страсть и радость моя,
И на кладбище хоть
Поцелуй ты меня.

ТЫ – НЕРВНЫЙ И СТРАСТНЫЙ МОЙ СТИХ

Золотом осени взявшись,
Живешь зачем не зная.
Стадному чувству отдавшись,
Кочуешь по свету как стая.

Душа твоя – гибкие струны,
Хотела чтоб только ласкали.
Но грубо рванули струны,
Вскричала, как птица в печали.

[Ты – нервный и страстный мой стих]
Как к маме, прижавшись рыдала
В ладонях чутких моих,
Так долго, долго дрожала.

Сердце, вдруг ставши моим,

Как в струнах из крови и стали,
Под платицем темным твоим
Под пальцами трепетало.

ПРИВЕТСТВИЕ ГЛАВЫ УЧАСТНИКАМ ГЕЙ-ПАРАДА

- Ой вы гей еси, добры молодцы!

НАРОДНЫЕ ПОГОВОРКИ

- «Жар костей не ломит» – утешал он себя, въезжая в печь крематория.

- «Деньги есть – ума не надо» - так называемых гениях финансов.

ЕГЭ

- Школьник: Интересно, кто такие марксиане?

- Учитель: Да, марксисты, кто ещё-то. Они мне в институте по философии всю плешь переели.

ЖИВЕМ ПОМАЛЕНЬКУ

- Здорово, братан, как живешь – можешь?

- Да, так... на наркотиках живу.

- Болееешь что ли, рак?

- Не-е, наркобизнесом перебиваюсь.

СУДЬБА НЕНКИ

В пургу я родилась в тундре,

В жуткую ночь родилась.

Выла шаманкою тундра.

Снега насыпало – страсть.

Чистые звезды сияли,

Когда пурга улеглась.

Нарты у чума стояли,
Ненку стали в них класть.

Ненка лежала немая
С ужасом в сполохе глаз.
То была мама родная,
В чуме дочь плакала всласть.

В тундре от края до края
Вольные ветви мели,
Вечные мхи расстилались,
День за днем годы текли.

Робко, красивым цветочком,
Ненка в ней расцвела.
Красавица неночка – дочка
К родам его сорвала.

«Бедная, милая дочка, -
Плакал цветочек внутри, -
Мамина горькая ночка
Тебя стороной обойди».

Сказали, увели цветочка
Нежные лепестки.
...Выла пурга всю ночь.
Нарты. И звезд огоньки.

РОДИНА *(Тюремная песня)*

Лютые враги память всю сожгли,
Поверьте, это хуже выжженной земли,
Но в её глуби [прокурорам не найти]
Светится заря – родина моя!

России небеса родина моя,
Русая коса родина моя.

Русская земля родина моя,
Русская зима родина моя.

Лютые враги память всю сожгли,
Поверьте, это хуже выжженной земли,
Но в её глуби [прокурорам не найти]
Светится заря – родина моя!

Широкие поля родина моя,
Длинные леса родина моя.
Где из печи дым струится голубой,
Я хочу туда – там мой дом родной.

Лютые враги память всю сожгли,
Поверьте, это хуже выжженной земли,
Но в её глуби [прокурорам не найти]
Светится заря – родина моя!

ПАРОХОД МОЕЙ СУДЬБЫ

Не думал никогда, что кончатся года,
Когда меня встречала улыбкой ты всегда.
Любимая моя, желанная моя,
На пристани расстались с тобой мы навсегда.

Растаял вдали пароход моей судьбы,
Оставив мне гудки тревоги и тоски.
Пустынная вода, горячая слеза,
Волна накрыла камень – зеленая волна.
Как ветра шквал водой, играй моей судьбой,
Накрой на шее камень – зеленою волной.

Растаял вдали пароход моей судьбы,
Оставив мне гудки тревоги и тоски.

Люби тебя другой, желай тебя другой,
А я нашел покой – под зеленою волной.
Любимая моя, желанная моя,
Волна меня качает, зеленая волна.

Любимая моя, желанная моя,
На пристани расстались с тобой мы навсегда.
Растаял вдали пароход моей судьбы,
Оставив мне гудки тревоги и тоски.

ПЕСНЯ ДЕВУШКЕ

Пусть звенит трель телефона,
Не слушай пустые вздыханья.
Подумай, о чем ветра стоны?
Выбрось в корзину мечтанья.

Чтоб не реветь потом дурой,
Чтобы избегнуть страданья,
Надо быть чуточку умной
И не ходить на свиданья.

Но как же мне жить без защиты?
Но как же мне жить без печали?
Гроза, а я в поле открытом,
Молнии отблески в дали.
О, милое, милое мненье!
О, сердце, жертва желанья!
Поверь, краток миг наслажденья,
И черное море страданья.

Чтоб не реветь потом дурой,
Чтобы избегнуть страданья,
Надо быть чуточку умной
И не ходить на свиданья.
Лучше пусть буду я глупой.
Пусть утону я в страданьи,
Горько с бездомною сукой и
С дождиком плакать в скитаньи.

АХ, ЗАЧЕМ ТЫ, ЛЮБОВЬ

Что-то душу теснит
Не дает говорить,

Словно чья-то любовь
В ней подспудно горит.

Чья же, чья же любовь
Залетела в меня?
Словно птица в окно,
Поломав два крыла

И от боли любви
Чьей-то тесно в груди.
Чья ты, стонешь, любовь?
Бьется, не говорит.

Ах, зачем ты, любовь
Залетела в меня?
Говори, говори...
О, страдаю как я!

Словно льется с небес
Сладкий голос любви.
На устах – словно крест,
Не могу говорить?

Тесно птице любви,
Тесно в клетке груди.
Как же ей говорить,
Если в пору ей выть.

Ах, зачем ты, любовь,
Залетела в меня?
Словно птица в окно,
Поломав два крыла.

ОГОРОДНИКОВ ВИТАЛИЙ

Вокзал разрывает объятия,
Но всё возвращает твой взгляд,
И ночь побежала обратно,
А стрелки курантов назад.

И выкатил берег лазурный,
И лодка спряталась в грот,
А вот и тюльпаны из урны
Садовник на клумбы несёт.

Из тучи, упавшей на город
Дождь прыгает в небе пустом.
И даже взъерошенный голубь
Летит к голубятне хвостом.

Твой взгляд – безрассудная сила,
И пятится поезд как рак,
А сдача в руках у кассира
Не хочет сдаваться никак.

Мы всё, что ушло, наверстали,
Нам всё уже наоборот,
И только носильщик усталый
Толкает тележку вперёд.

Брюхо неба пробито, заделайте брешь –
Тощий месяц из тучи просунул ребро.
Ночь пахуча как хлеб, хоть ножом её режь.
Защипало глаза – всё вокруг серебро.

Потекло, забурлило. Сады и мосты,
Силуэты домов лучезарно-светлы.
Дворник выскочил в ночь серебро подмести,
Так его ещё больше слетает с метлы.

Брось, чудак, успокойся! Ну что за нужда?
От твоей суеты весь мой город раскис,
Ты похож на Ван Дейка в плаще из дождя,
А метла – не метла, а волшебная кисть.

Дворник песнь затянул, от дождя захмелев,
Да ему чудеса и разглядывать лень,
Ведь серебряный кот – просто мраморный лев,
А серебряный мост – это спящий олень.

Свеча в жаре предутренней ослабла.
От солнца изогнулась как лакей,
Но брызги слёз в ногах у канделябра
О жгучей тьме напоминают ей.

Рамсес

По лесам, по полям
Рыщет солнце с утра.
На Земле потерял
Сына огненный Ра.

И в морях глубоко,
И в горах-то искал,

Прижимая ушко
К острым трещинкам скал.

«Сын, ну где ты? Пора,
Сбрось загробные сны.
Для рождённого Ра
Саркофаги тесны.

Пелену разруби,
Время в камни дробя,
Хоть надёжно рабы
Спеленали тебя.

Стены храма стряхни,
Взором темень разрежь.
Спины, спины одни...
Где же лица? Рамсес».

И Земля бы спала,
Но на эхо: «Рамсес»
Содрогнулась скала
И рассыпалась: «Здесь».

ДОБРОТА?

Вот бессовестный – опять всё лакашь?
И ведь лезет. Ох, алкаш ты, алкаш.
Опустился ниже некуда – дно.
Самого не видно – только вино.

А ведь молод, а ведь был, а ведь мог,
Только в водке до макушки промок.
И теперь тебе цена – гнутый грош,
Хоть на маленькую – на. Ведь помрёшь.

ДУЭЛЯНТ

Ж.Ж.

Шутник всё тот же, что ни взгляд – сюрприз,
Изрядно память временем потёрта,
Он бродит под дождём на Сен-Сюльпис,
Спит под роялем, пьёт из натюрморта.

Он в речку на пейзаже роковом
Дольёт воды, что лошади отпили,
И радугу замытым рукавом
Протрёт от брызг, от времени, от пыли.

Он перевоплотил свой дом в музей
И научился говорить с вещами.
Его не дамы – шпаги посещали,
Средь пистолетов он – среди друзей.

Его румянцем вековым дразня,
Глядят из рам – тех вечно юных окон...
Картины? Нет. Враги? Ни-ни. Друзья!
Но даже с ними тоже одинок он.

Здесь все его моложе на сто лет.
В порыве гнева и в плену гордыни
Он вскидывает ржавый пистолет
И точкой растворяется в картине.

Будут рифмы крепки как алмаз
И строги.
Надо, чтоб бумага обожглась
О строки.

Карандаш, чтоб на углях плясал,
В огне пел.
А не то, чтоб только написал,
И... пепел.

КИНОТЕАТР «ОКТЯБРЬ»

Дождик смотрит кино, ветер смотрит кино,
А экран простудился, эх, тоже мне, щит.
Кто-то выключил звёзды – до дрожи темно,
И сверчок в операторской снова трещит.

Эху нынче раздолье – резвись и скачи,
Вспомни чей-нибудь смех. Я здесь не одинок.
Просто в этой грязи заблудились лучи,
Но пробьются, найдут... Вот и третий звонок.

Тсс! И ожил экран, потекло полотно
То витать в синеве, то тонуть в янтаре.
Крыши нет – на всю ширь потолок как окно,
Сыровато кино в октябре, в «Октябре».

Ну и ночь! Со всех стен все часы сорвались,
Кукушонок сзывает года как цыплят,
Дождь – с экрана стекающий сюрреалист,
И идут без зонтов Даль, Высоцкий и Плятт.

Дождь как вождь отряхнулся от градинок лет.
В «Октябре» в нём «... и Ленин такой молодой»...
И кленовый листок, будто лишний билет,
Улыбаясь, Ильич положил на ладонь.

Школе № 9

Ученье – свет, да испарится тьма.
Есть место любопытное на свете,
Где мы познали «Горе от ума»,
«Вишнёвый сад», «Анчар», «Отцы и дети».

О! Наши умудрённые отцы!
Народ непредсказуемо-великий,

Построить школу (вот так молодцы),
Как раз на перекрёстке двух религий!

Где мир спасает свет и красота,
По умыслу, а, может, для прикола,
Мы все от минарета до креста –
Мечеть, собор, а в центре наша школа.

Идея необычна и смела,
Мы тоже к вере тянемся упрямо,
И в одно ухо нам поёт мулла,
В другое – вторит колокольня храма.

МЕУДЕКЪЯН

Ещё в Тюмени заготовки хрена,
И из колодцев не ушла вода,
А тут уже и снега по колено,
И вьюга расправляет невода.

Соперничают с полем куропатки,
Белёхоньки, хоть их пушок темней,
Самим, небось, смешно – во все лопатки –
Во! Драпают от собственных теней.

Искристый иней забросал берёзки,
И горизонт даёт от снега крен,
И жизнь проста и чётка как наброски
В блокнотике копающего хрен.

* * *

- От души отрихтую
Эту ширь... ё-моё,
- А куда проходную?
- Да на свалку её.

- Так-то справная. Жалко.
- Убирай, решено.
Остров прошлого – свалка,
А у нас казино!

В хлам, что вяло и ветхо,
Вот и вся недолга,
Чтоб крутилась рулетка,
Чтоб звенела деньга.

И Амура при входе,
Чтоб пузат и крылат.
Проходные проходят,
А рулетки рулят.

Ладно выложи плиты,
Капиталец умножь...
- А цветущие липы?
- Липы, лапоть, под нож.

Чудно в доме игорном.
- А литейку? – На слом.
- И парнишечку с горном?
- И девчушку с веслом.

- А...? – Ты уши прочисти
- А...? – Да в тартарары
Только кости! - А кисти?
Подойдут для игры?

- Ничего ты сморозил.
- Резанул невпопад.
- Заводи-ка бульдозер.
- Не заводится. Гад.

ОХОТА

О туман споткнуться можно. Ох, густ,
Можно скрыться за туман как за куст,
Можно сделать из тумана снежки
И попробовать как сахар с руки.

Можно вылепить щёнка, так щенок
Будет виться как туман возле ног.
А охотник, укрывая следы,
Незамеченным дойдёт до воды.

Где в отвесные прострелы лучей
Утро выхватило сонный ручей.
Ох, охотник до охоты охоч,
У него в ружьё заряжена ночь,

И высматривает ночь из ружья,
Кто там вздумал жизнь лакать из ручья.

* * *

Я этот город узнаю с трудом,
А может снова встал не с той ноги я?
Мне хочется найти тот старый дом
И постоять в углу. О, ностальгия!

Груз лет стряхнул, осыпал пыль дорог,
И грязь беспутиц на крыльце обстукал,
Переступил невидимый порог
И встал, да не куда-нибудь, а в угол.

Забавный город – кончились углы,
Остались в детстве милом и далёком,
Но лики, что от времени смуглы,
И нынче смотрят на меня с упрёком.

* * *

Когда от одиночества устану
Когда я затоскую по дождю,
К щебечущей воде иду – к фонтану
И... жду.

В слезах фонтана слёз и не замечу,
Прочту в них только радостную весть,
Ведь те, кто мне назначил эту встречу,
Все... здесь.

ПАВЕЛ ПЛЕСОВСКИХ

ВСЁ СТАРО...

Легкий звон бубенцов
Не разбудит меня
И, под цокот подков
Промелькнувшего дня,

Розовеет закат,
Наполняющий сон
Предвкушеньем утрат.
С побледневших икон

Прожигает насквозь
Осуждающий взгляд.
С ним я вместе и врозь.
Примеряю наряд

Из зеленых ветвей,
Черных перьев ночи
На дурной голове.
Помолчи, помолчи.

Не бросай мне упрек
За нелепый мой путь.
Срок еще не истек,
Ничего не вернуть

И не переписать
Биографию грез,
Где блестела роса
Нерастраченных слез,

Не написанных строк
И не сказанных слов.
Прочь уносит поток,
Пересохло весло.

Без тайфунов и бурь
Мой корабль разбит
О скалу иль судьбу,
Где запретно любить

И надеяться на
Благовестье небес.
А несбыточность сна
Лишь награда тебе

За неправедный труд
И неверную цель.
Пот холодный утру
Или, может, капель,

И уйду на закат
Без нелепых надежд,
Пустословных тирад
И терновых одежд.

Пусть все так, и не впрок
Вручено мне перо.
Пусть не светит Восток.
Все старо, все старо.

СОН НАЯВУ

Речная синь колыхается, играя,
И стаи «зайцев» солнечных снуют.
В ней растворяется Душа моя нагая,
Найдя спокойствия, бездумности приют.

Нет больше мысли, только ощущение
Ничтожности земного бытия,
И верить хочется: не будет возвращенья
В тот суетный мирок, что создал я.
Река нашептывает ласковые песни
И убаюкивает, словно мать дитя.
Нам в наших оболочках с нею тесно,
И берега раздвинуться хотят.

Я растворен, и отражаю небо
С плывущими лениво облаками,
А все, что было – это просто небыль,
Придуманная прошлыми веками.

Быль – лишь Она и я, и то мгновенье,
Когда объединились наши Души.
Но вдруг... Что это, смерть или прозренья?
Разорван я и выброшен на сушу.

И унесла река Души обломки.
Их не жалею – пусть себе плывут.
Стою на берегу, у самой кромки
И вижу сон хороший наяву.

ВЕСНА

Пьянящим таежным настоем
Мне голову вскружит Весна.
Но дело совсем не простое –
Испить эту чашу до дна.

Уют кабинета забросить,
В дорогу собраться спеша,
Застать предрассветные росы,
Что б в них искупалась Душа,

Отмылась от грязи недельной
И от беспросветной тоски.
На пряной зеленой постели
Усталые руки раскинь

И слейся с Землей, растворись
В сверкающей солнцем Вселенной
Душей, улетающей ввысь,
И сгнувшей в облачной пене.

ЗА КРУГОМ - КРУГ...

За кругом – круг,
За Светом – Тьма.
Кто враг, кто друг
Судьба нема
И режет плуг
Живую плоть,
Но не досуг
Жизнь прополоть

От сорняков
Из зла и лжи,
Чужих оков,
Душевной ржи.
Седой покров
Не защитит
От тяжких снов
И от обид.

Хоть за окном
Цветет Весна
И в цвете том
Нет топи сна,
Что ж, поделом.
Не трать пера.
Держи весло,
Лови ветра.

РЕКА

По сибирской равнине
До холодного моря
Через радость и горе
Обь стремится река,
По морски широка,
К неизвестной судьбине
Унося отраженные
На себе облака,
Да разбитый в путину
Челнок рыбака,
И стволы обожженные.

Нарисованы лица
И пейзажи лесные,
И пески наносные
На зеркальном «холсте»,
Как на чистом листе.
Нам ночами не спится,
Окрыленным мечтой,
И, считая Века,
О судеб веренице
Нам прошепчет строка
И России святой.

* * *

На перекрестке снежных дорог
Домик неброский, свечи из воска,
С крестом бугорок – дикий Восток.
Там куропатка снежным комком
Катит вдоль грядки, заяц украдкой
Юркнул за дом и – кувырком.
Кони копытят снежный ковер
Маревом скрыто солнце в зените,
Мечет костер ветер в упор.
Судьбы Сибири, как изваянье,
Будто застыли и позабыли
Горечь изгнания для покаянья.

СМИРЕНИЕ

Под сенью золоченых куполов
Смирение живет души бродяжьей,
Спокоен сон, надежен божий кров
И крест распятия стоит на страже.
Быть может, здесь и оборвется путь,
Проложенный по терниям и кручам,
И пусть без сожаленья кто-нибудь
Его во всех подробностях изучит,
И даст рекомендации потомкам,
Как жить не стоит в этом божьем мире,
Продемонстрировав судьбы моей обломки,
Как экспонаты ненасытной лире.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ЛОМАКИН Станислав.....	4
ЧЕРНЫШОВ Денис.....	10
ПЛЕСОВСКИХ Мария.....	13
СЕЛИВАНОВ Федор.....	18
ЛОМАКИН Сергей.....	26
ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ Ольга.....	31
ЛОМАКИН Станислав.....	38
ШЛЯКОВ Алексей.....	57
ПАПИН Юрий.....	61
ПАРОМОВ Борис.....	69
СУРОВЯГИН Станислав.....	80
ОГОРОДНИКОВ Виталий.....	89
ПЛЕСОВСКИХ Павел.....	98

АРИОН

Литературно-художественный
студенческо-преподавательский альманах
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Выпуск № 11

Подписано в печать 13.07.2009.
Формат 60x84/16. Печ. л. 6,56. Печать ризограф.
Тираж 1000. Зак. № 784.

Типография «Печатник»
Тюмень, ул. Республики, 148 корп. 1/2.
Тел. (3452) 20-51-13, тел./факс (3452) 32-13-86

15 P
НОВАЯ ЦЕНА

15 руб 00 коп.

